

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРАСНОРЪЧІЕ

ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ НАРОДОВЪ а)

(Лорда Бруггама).

Все было искусство у древнихъ и въ особен-
ности у Грековъ. Орапоръ народный также
прудился надъ своею рѣчью, какъ живопи-
сецъ надъ картиною. Новѣйшіе, и особенно
Англичане, напрошивъ спѣсными искусствава
въ кругъ часпный, ограниченный. Чело-

а) Спашья сія, принадлежащая первому орапору на-
шего времени, замѣчательна по многимъ отноше-
ніямъ. Она содержишь въ себѣ спругую кришку
недоспашковъ, въ конхъ можно обвиняшь не только
краснорѣчіе, но и слогу Английскихъ писателей
вообще. Сверхъ того, вышедши изъ подъ пера че-
ловѣка, когото жизнь разделена между безмолвными
учеными трудами и шумными общеспашными заня-
тіями, она проливаетъ много свѣта на современное
состояніе литературы, когото оппичпешельный харак-
теръ соспашляетъ безразсудная и бесполезная борьба
природы съ искусствомъ и искусство съ природой.

Телеск. Ч. V. 20

вѣкъ государственнѣй , вмѣсто того , чпобъ быль , какъ у древнихъ Эллиновъ , воиномъ , орапоромъ , поэпомъ , дипломатомъ , художникомъ , пеперь не болѣе , какъ человекъ дѣловѣй. Риторы и софисты завладѣли краснорѣчьемъ , какъ искусствомъ , и унизили его , опягопивъ излишними украшеніями. Между тѣмъ , люди положительныя , презирая сіе ложное краснорѣчіе , довольствуются быспрыми импровизациями , коихъ достаешь имъ для выраженія своихъ мыслей и для сообщенія своихъ чувствованій. И пакъ съ одной стороны — суешная многорѣчивость , безъ всякаго отношенія къ жизни дѣйствительной ; съ другой — языкъ безъ искусства , но не безъ силы , могущественнѣй собственнѣй своею крѣпостію , но не имѣющій никакихъ припязаній на имя краснорѣчія!

Къ симъ двумъ классамъ относятся почти все наши Британскіе орапоры. Нѣсколько славныхъ именъ представляютъ весьма рѣдкія исключенія. Но вообще орапоры , либо совершенно нерадятъ объ отдѣлкѣ своихъ рѣчей , либо увлекаются примѣрами испорченнаго вкуса и унижаютъ слово свое смѣшными припязаніями на высокое или на живописное. Часто пакже случается , что сіи объ крайности совмѣщаются. Въ сочиненіи самомъ небрежномъ , самомъ необработанномъ , самомъ гру-

бѣмъ, вы вспрѣщипте высочайшую степень принужденности и напряженія, роскошнѣйшее изобиліе изысканныхъ оспроутъ, дикихъ мыслей, нелѣпыхъ метафоръ, и удивитесь, какъ можно такъ дешево и такъ смѣшно умъ искажать свои мысли и, перенося на бумагу все, что приходитъ въ голову, приготавливать чинашелю такую спранныю пыпку.

Отъ чего же происходитъ сіе различіе? Отъ того, что служеніе изящному, господствовавшее у древнихъ, замѣнилось у насъ служеніемъ импересу: импровизація клубовъ погубила краснорѣчіе въ Англии.

Тѣ, кои посѣщаютъ народныя собранія, легко приобрѣтаютъ нѣкоторую бѣглость языка, которую легко также и утрачиваютъ. Безъ предварительнаго ученія, не обогативъ ума сокровищами глубокаго размышленія, не сравнивъ образцовъ краснорѣчія древняго съ новыми, можно, съ помощію упражненія и съ мѣднымъ лбомъ, сдѣлаться оглушающимъ импровизаторомъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, придетъ время шоржества; привычка укрѣпитъ орашора; наконецъ дойдетъ до того, что онъ поперяетъ спыдъ и будетъ проповѣдывать общія мѣста съ удивительнымъ хладнокровіемъ. И такъ способность быспро говорить можетъ не имѣть никакого отношенія

къ дѣйствительному паланпу того, кто имъ
шщеславился.

Будетъ ли по челоѡкъ безъ способностей?
Рѣчи его будутъ дурны и ничтожны; но его
смѣлоспъ дастъ имъ призракъ силы, которая
обольститъ чернь. Будетъ ли по челоѡкъ
съ паланпомъ? Онъ распочитъ свой палантъ,
не достигнувъ истиннаго краснорѣчя. Вы за-
мѣтите въ быстрыхъ изверженяхъ его мысли,
яркя черпы, блестяця выходы; но эпотъ
первый порывъ воображеня не будетъ имѣть
ни силы, ни сосредоточенности, ни связи:
ничего обдуманнаго, ничего разочпеннаго;
языкъ будетъ небреженъ, посредствующя
идеи будутъ или совсѣмъ забыты и распе-
ряны, или набросаны съ упоминательнымъ
многословіемъ. Нельзя починитъ такого чело-
ѡка пинпломъ орапора. Это много много—
прекрасный говорунъ. Если бъ онъ, по при-
мѣру древнихъ, глубоко изучилъ истинныя
средства искусства; если бъ въ безмолвй ка-
бинета, спарался усовершенствоватъ свои
способности: вы увидѣли бы его, можетъ
быть, равнымъ Демосоенамъ и Эскинамъ; но
его метода совершенно эмпирическая: онъ
споль же мало походилъ на пѣхъ великихъ
мужей, коими славился древнй форумъ, сколько
Италйяскй импровизаторъ на Данпа и Тасса.
Можетъ быть, говоря въ публикѣ, онъ прю-

чипся размѣщашь свои понятія въ извѣстномъ порядкѣ, соблюдашь извѣстныя приличія, производишь извѣстныя впечатлѣнія; но какъ далеко эпошъ призракъ искусства опѣ самаго искусства! Какъ велико распояніе опѣ эпого слабого спремленія къ изяществу и здоровому вкусу до той творческой способности, которая пребуешь столько размышленія и предполагаеть столько опытности! Къ плану, худо обдуманному, присоедините неправильность языка: слова взгроможденные на слова, ненужные эпитеты, тяжелые обороты, излишнія перифразы, синонимы набросанныя безъ разбора и безъ значенія — волшъ, говоритъ Квинтиліанъ, какія непосредственныя слѣдствія импровизаторства: оно производишь одну пустую болшливость — слова, кои на устахъ раждающя и умирающя а).

Мы не хопимъ однако прославляшь исключительно краснорѣчіе ложное, поддѣльное, искусственное; оно причиняешь пропивуположный недоспашокъ. Наше намѣреніе опровергнушь мнѣнія пѣхъ, кои величаютъ еспешственнымъ краснорѣчіемъ быструю импровизацію: не оно составляетъ истинное краснорѣчіе; въ немъ

а) Illa ipsa extempore dicendi facultas inanem modo loquacitatem dabit et verba in labris nascentia.
 QUINT. x. 3.

нѣшь ничего естественнаго. Спупайте на лобныя мѣсна и вы услышите людей самыхъ грубыхъ, изъясняющихся съ силою. Какъ скоро спрашн господствують надъ душей, онѣ извлекають изъ ней звуки, невольнo приводящiе въ волненiе : изъ попрысенной глубины ея вырываются попоки нѣжности или негодования , соперничествующiе съ шѣмъ , что искусство имѣеть самаго высокаго. Человѣкъ распроганный безъ труда и безъ принужденiя передаетъ вамъ собственннй свой жаръ ; онѣ проспѣ, онѣ крапокъ, онѣ шого что испинень. Сравните съ сими искренними излiянiями щемную, запушанную , напыщенную рѣчь импровизатора! Опѣ времени до времени онѣ можеть разгорячаться ; но въ промежутки, коими необходимо прерываются минуты его дѣйствительной распроганности, онѣ упадаеть, спановишся грубымъ , говоритъ безъ смысла. Искусство и генiй соспоютъ въ способности не терять пошй могущественной искренности, которая характеризуетъ спрашъ, и сливать въ одно глубоко изученное цѣлое все постороннiя идеи. Какой безмѣрный трудъ предлежитъ тому , кто желаетъ господствовать вмѣстѣ надъ собою и надъ другими! Какъ бы ни была велика его распроганность, онѣ всегда долженъ ее обуздывать; какова бы ни была работа, на которую онѣ себя осуж-

даешъ, ему всегда должно сохранятьъ священное пламя вдохновенія.

Во всѣхъ искусствахъ шакое должна быть цѣль ученія: оно сосредоточиваетъ разсѣяныя силы природы, направляетъ ихъ къ одной почкѣ, соединяетъ въ одномъ горнилѣ. Въ жизни краснорѣчіе находить на насъ припадками, спихомъ. Гармоническія струны прещуптъ въ нашей душѣ, чувствво живаго предсшавленія обипаетъ въ насъ; но все это неполно и неправильно. Искусство раздериываетъ сіи спихи, воспаляетъ ихъ огненною жизнью. Бѣда, если искусство задушитъ природу. Но не менѣе опасно и то, когда природа проявляется одна и замѣняетъ, своими неправильными, необузданными порывами, благородныя соображенія искусства.

Вѣроятно ли, члробъ шакое мнимо-ешественное краснорѣчіе превосходило древніе образцы сидюю и прешпоую? Пусть сравнятъ сіи образцы съ новѣйшими импровизациями; пусть особенно изучатъ цѣломудренное и мужешвенное краснорѣчіе Димосееновъ и Грековъ. Конечно оно производило на людей древняго міра живое впечатлѣніе. Невозможно ошказать ему ни въ величешвенности, ни въ энергій, ни въ силѣ. Оно рышало судьбы государствъ и повелѣвало волнами народнаго океана. Но не смотря на сіи бурныя движе-

нія, неизгладившіяся въ немъ послѣ сполькихъ вѣковъ, вы замѣшите, что оно было плодомъ напряженной работы. Очевидно, что на приобрѣтеніе таланта, необходимаго для произведенія шакovýchъ твореній, потребны были труды долготѣпніе, занятія постоянныя, и что распоряженіе симъ талантомъ сопровождалось не меньшимъ трудомъ и вниманіемъ!—Какъ! подчинитесь шакѣ тяжкой дисциплинѣ?—Да! это необходимо, если вы хотите сдѣлать по спомамъ сихъ великихъ учителей?—Ни случай, ни механическій процессъ, ни привычка, ни орапорская рутина, не приведутъ васъ къ подобному совершенству. Это было бы шоже, что домогаться опть камеры обскуры и опть камеры луциды а) всѣхъ шанствъ живописи и хотѣть посредствомъ слѣпковъ сдѣлаться соперникомъ Рафаеля.

Кто изъ краснорѣчивыхъ писателей Греціи шакъ нерадѣлъ о слогѣ, какъ новѣйшіе? Ни кто. Я не говорю уже объ Исократѣ, коего талантъ, по словамъ Діонисія Галикарнаска-

---

а) Camera obscura, camera lucida — оптроумныя изобрѣшенія, посредствомъ конхъ можно установить на бумагѣ или на стеклѣ главные черты перспективы и воспроизвести предметы, находящіеся предъ живописцемъ. Диаграфъ, новѣйшее изобрѣшеніе, изображаетъ шакимъ же образомъ весь окресный горизонтъ.

го, походилъ не сполько на палантъ художника, сколько на мѣлочное перпѣніе рѣщика. Извѣстно, что онъ упошребилъ болѣе времени на сочиненіе похвального слова войнѣ Персидской, чѣмъ Александръ на покореніе всей Азіи. Но Платонъ, не имѣющій его недоспапковъ, котораго нельзя упрекнуть ни въ слабости плана, ни въ излишней заботливости объ опдѣлкѣ — Платонъ, слогъ котораго оспаецся образцемъ легкости, пріятности, искренности, непринужденности—не преспаваль никогда исправлять свои творенія: всѣ древніе эпо подшверждають, всѣ единогласно говорять о медленности его работы. Когда онъ умеръ, то въ его бумагахъ нашли разные обороты словъ, коими начинается его твореніе о Республикѣ: »вчера вышелъ я въ Пирей съ Главкономъ, сыномъ Ариспоновымъ« а). Сии преспыя выраженія казались ему способными къ различнымъ перемѣнамъ, кои онъ считалъ немаловажными. Импровизаторъ ли эпо? Такой ли человекъ, который легкостію шруда хочешъ пріобрѣсть легкость слога?

Могущесивенный орапоръ, поржеспвовавшій надъ Филиппомъ, ненавидѣлъ импровиза-

---

а) *Κατέβην χθες ες Πειραια, μετὰ Γλαύκωνος τοῦ Ἀριστοῦνος.* Сноп. Дион. Галикар. *de Struct. Orat. sect. 25.*

цаю. До насъ дошло пятьдесятъ шесть при-
снуповъ, имъ составленныхъ, въ коихъ ясно
можно видѣть медленность, съ коею они со-
чинялись. Онъ часно повпоряешь самъ себя.
Одно мѣсто, сначала набросанное, потомъ
обработанное и наконецъ доведенное до со-
вершенства, часно вспрѣчается въ его рѣчахъ.
Помарки, прибавленія, перемѣны, варианты
оратора, также намъ извѣстны, какъ будто
мы находились въ его кабинетѣ, когда онъ со-
чинялъ. Иногда писатель перемѣняетъ цѣлый
періодъ: иногда оставляетъ неизмѣннымъ
одинъ членъ фразы, который конечно почи-
таешь совершеннымъ, и перемѣняетъ все
прочіе. Здѣсь эпитетъ, подверженный прѣмъ
различнымъ оборотамъ; та же мысль, выра-
женная инымъ образомъ; далѣе сравненіе съ
предметомъ совершенно новымъ. Ничто ме-
нѣе не походило на эти своенравные порывы
необузданнаго воображенія, коими гордятся
наши новѣйшіе поэты и коихъ исполненіе
съ намѣреніемъ стараются усиливать.

Они обманываются: и наши импровизаторы
обманываются не менѣе. Геній есть ничто
иное, какъ умъ напряженный или, такъ ска-
зать, сублимированный. Онъ не пренебре-
гаетъ формою, но ищетъ всевозможнаго со-
матія между образомъ и мыслию. И для удо-
влетворительнаго выраженія мысли, Демос-

енъ и всѣ великіе писатели упошребляли сполько ночей на ошдѣлку слога.

Ошважимся приобщиться къ эпош работѣ и разсмотрѣшь сей многотрудный процесъ шворенія въ различныхъ его фазахъ. Эпо шже, чшо подсмотрѣшь секретъ орашора, проникнуть въ шайну его искусства. Два раза, на примѣръ, говорилъ онъ о неприязни Филиппа къ Аѣннинамъ, о полишическихъ причинахъ, побудившихъ его занять Оракію и внушающихъ ему ненависть къ Аѣннинамъ. Его рѣчь о Херсонесѣ и чешвертая Филиппика заключающъ одну и шуже шираду объ одномъ и шомъ же предметѣ: но какаѣ разница въ колоритѣ и даже въ рисунокѣ! Во шпоромѣ варіантѣ Димосѣенъ выражается весь шполнѣ: его высокое негодование является здѣсь во всей своей силѣ. »Онъ непримиримый врагъ Аѣинъ, города, которыи насъ окружающъ, земли, котораѣ насъ носилъ, боговъ, которые насъ покровительствуютъ... Боги Аѣинскіе! ишпребите его!« а) Сіѣ черта, котораѣ, по швидимому, шырывается во всей силѣ и шыспрошъ изъ шперваго движенія орашора, идетъ шпрощивъ изъ шпорыхъ рукъ; она ешть слѣдствіе глубокаго соображенія. Тоже можно сказать шочши обо всѣхъ

а) *Οιπερ αυτου εξολησσαν!*

возвышенныхъ мѣспахъ. Размышленіе, воспламененное напряженіемъ всѣхъ его способностей, раздражается ими медленно.

Но скажушь, Димосеенъ весьма небреженъ. Нѣптъ, мы на эпо не согласны: онъ повпоряешъ иногда поже слово, чпобы дашь языку своему болѣе энергій; иногда для сильнѣйшаго выраженія мысли, употребляешъ два слова, произшедшія опть одного корня, на подобіе языковъ воспочныхъ. Такъ въ рѣчи о Кпезифонѣ, эпи люди, копорые воюють войной (*πολεμουσ πολειμουντας*) и другія подобныя изрѣченія (*κινδυνους κινδυνευσαντας*, *ταις κατηγοριας κατηγορουσι*) напоминаюшь идіоизмы Еврейскіе: *смертію умрете* и имъ подобныя; и посему не должны бьшь почипаемы за ошибки, ускользнувшія опть разсѣяннаго пера. Замѣчаюшь пакже, вопреки моей системѣ, видимую слабосъ заключеній въ его рѣчахъ. Но эпошъ упрекъ доказываетъ совершенное незнаніе духа и искусства древнихъ. Тогда думали, чщо спрасъ, вмѣсто того, чпобъ соспавляшь сущесшво, и, пакъ сказашь, основаніе краснорѣчія, поэзіи, искусства, ешь шолько вспомогательное, прибавочное и даже часто опасное средство. Посмотрипе на древнія спатуи: въ нихъ выраженіе спраданія никогда не обезображивается гримасами. Религія Эллиновъ, обогпшворя красоту формъ,

научила древнихъ почивать и удивляться
пной пишинѣ, пому согласію, пной гармоніи,
пной цѣломудренной проспощѣ, копорую бур-
ные порывы спраспей всегда разрушаютъ.
Какъ ваяпель, желая изобразить умирающую
Ніобу, ободраннаго Марсіа или Вулкана, низ-
вергнушаго на землю, долженствоваль умяг-
чать и украшать высокою граціею свое про-
изведеніе; такъ орапоръ, изливъ свое негодо-
ваніе въ бурныхъ порывахъ, грозныхъ прокля-
шійхъ, долженъ былъ разрѣшать и, такъ ска-
зать, спасать сіи диссонансы, обуздывать по-
степенно волненіе спраспи и оканчивать свою
рѣчь тихими, смиренными, почти холодными
словами. Того спребовали тогда идеи искус-
ства, идеи возвышенныя и благородныя,
породившія Лакоона, Венеру Медицейскую,
сполько знаменитыхъ швореній краснорѣчія
и поэзіи.

Эсхинъ, въ своей рѣчи проптивъ Кпезифона,
не охлаждаешь ли, посредспвомъ самаго нель-
паго, самаго смѣшнаго, самаго холоднаго меша-
физическаго заключенія, превосходное мѣсто,
которое ему предшеспвуетъ? Въ жару спра-
спи онъ обращается къ славнымъ пвнѣямъ ге-
роевъ Аѣнскихъ, окружаетъ себя ихъ вели-
чественною дружиною и закликаетъ совокуп-
но возспать проптивъ хищника, гошоваго
вешупишь на пресполь и бывшаго въ гнусномъ

заговоръ съ варварами. »Внемлите« — восклицаетъ онъ къ Афинянамъ — »внемлите спонамъ скорби, испоргаемымъ изъ нѣдръ могилъ, почеспиями, копорья должны украсишь вѣроломнаго!« — и вдругъ, измѣнивъ сему высокому порыву краснорѣчія, сдѣлавшись бездушнымъ софистомъ, оканчиваешъ свою рѣчь принужденнымъ и выисканнымъ исчисленіемъ, самымъ нелѣпымъ общимъ мѣспомъ.

Димосеень, руководимый лучшимъ вкусомъ, уступаешъ самъ не рѣдко національнымъ понятіямъ; его окончанія не совсѣмъ небрежны, но онъ просны. Онъ, кажешся, желаешъ въ нихъ дасть опдыхъ слушащеламъ. Цицеронъ подражалъ ему въ нѣкопорыхъ пвореніяхъ. Напримѣръ, рѣчь за Милона оканчиваешся у него холоднымъ и спокойнымъ заключеніемъ, не согласнымъ съ предшешствующими частями.

Если подобно грамматикамъ схолиаспамъ, войпи со всею подробностію въ различныя измѣненія Димосееновыхъ рѣчей, то мы найдемъ въ нихъ разборчивосшь и спротосшь вкуса, совершенно неизвѣспную новѣйшимъ. Одно простое сравненіе — сильное правда и смѣлое — являешся у Димосеена при раза подь различными формами и красками: онъ сравниваешъ возмушишелей, враговъ общественнаго спокойшвія, съ пѣми сокровенными недугами, копорые палпся, пока шѣло элорово, и явля-

юся съ ужасною силою, когда оно поражается. Изъ сихъ прехъ варіантовъ, конечно, послѣдній болѣе поражаетъ воображеніе: въ немъ орапоръ достигъ высочайшей степени прощоты, выразительности и сладкозвучія. Вошь также превосходное мѣсто, которое прошло чрезъ три различныя перемѣны. Мы переводимъ его въ послѣднемъ видѣ. Подражаніе Греческому языку, споль музыкальному, споль живописному, есть предпріятіе сумазбродное, могущее полько осрамить новѣйшіе языки, чрезъ обличеніе ихъ сухости, жесткости и неблагозвучія. Въ слѣдующихъ словахъ выражень полько смыслъ, но не колоритъ орапора:

»Когда союзъ основанъ на общихъ чувстввахъ, когда однѣ выгоды воспаменяють сердца; тогда сладко подвергашься однимъ опасностямъ и раздѣлять однѣ бѣдствія; каждый шерпиць тогда безъ ропота и переносить съ мужествомъ. Но если между союзниками одинъ, подобный Филиппу, увеличилъ свою власнѣ опважностію и хипростію; если равенство ощутишельно: то при первомъ случаѣ, узы разшоргаются, и союзъ исчезаетъ. Граждане! угнетеніе, вѣроломство, ложь, не бывають прочны! Они могутъ господствовать; они царствуютъ нѣсколько времени; счастье можетъ имъ улыбаться, и люди дивятся, видя шоржество порока; но время ма-

до по малу подкапывается подъ это уплое блаженство. Оно рушится подобно зданіямъ, коихъ основанія ненадежны. Главныя основанія человѣческихъ дѣйствій—опоры, безъ коихъ ниспровергается наше благосостояніе—суть правда и добродѣпель а).

Повторяетъ ли, что это превосходное мѣсто сполло Димосѣну болѣ прудовъ и поправокъ, нежели цѣлая рѣчь новѣйшему оратору? Онъ перемѣняетъ эпитетъ, дабы избѣгнуть созвучія двухъ буквъ въ двухъ различныхъ словахъ (*πλορηξιας* и *πορηξιας*); выбрасываетъ выраженіе сильное, но не приличное, и замѣщаетъ его проспымъ, но удовлетворительнымъ. Онъ жертвуетъ благозвучію, вкусу, Аппическому изяществу, блестящею и смѣлою метафорою; выкрѣпляетъ истинный смыслъ своей фразы, отбрасывая излишнія слова; обрабатываетъ свою рѣчь такъ, какъ отличный художникъ оживляетъ свой мраморъ.

И такъ первый изъ всѣхъ извѣстныхъ ораторовъ, вѣчный образецъ полистического краснорѣчія, Димосѣнь, не думалъ, чтобы одна малѣйшая фраза могла быть лекою бездѣлкою, мгновенною выходкою воображенія. Полновластный господинъ своего ідіома и своихъ

а) Вторая Олинейская Рѣчь.

мыслей, могущій всегда съ легкоспію и привлека-
тельностьюю изливать свое слово, онъ почипалъ
эпоу легкоспъ злоупотребленіемъ. Ему хотѣ-
лось, чпобы каждой элеменспъ его рѣчи имѣлъ
свою силу. Онъ не переспавалъ упопреляпъ
слова и періоды дополнпшельные: ему спыднобъ
было упопреляпъ эпопъ грубый цеменспъ,
копорый новѣйшіе орапоры бросаюпъ по про-
изволу, какъ бы для пополненія промежут-
ковъ ихъ мыслей. Онъ зналъ, чпо каж-
дая изъ нашихъ идей имѣспъ, для вы-
раженія, извѣспный кругъ словъ, изобра-
жающихъ съ большею или меньшею шочно-
спію, съ большею или меньшею силою, со-
кровенныя чувства орапора. И шакъ онъ
спрудился безъ олдыха до пѣхъ поръ, пока
досппгалъ всевозможнаго совершенспва. Ны-
нѣ большая часпъ писашелей скорѣе согла-
саяспя передѣлапъ, нежели переработпвать свое
пвореніе. Они называютъ сію легкоспъ жа-
ромъ, порывомъ, вдохновеніемъ: Димосеенъ
не думалъ, какъ они. Если періодъ, сравненіе,
членъ фразы, долгое время обдумываемые, об-
работываемые, казались ему dospойными со-
храненія по ихъ совершенспву, шо эпо были
памяшники, копхъ частое упопреляпне не
почпшалъ онъ за спыдъ. Эпш матеріялы
споили ему не шакъ дешево, чпобъ онъ могъ
ими пренебрегашъ. Еспъ параграфы въ его рѣ-

чахъ, гдѣ нѣкоторыя фразы составлены въ нѣсколько лѣтъ и наконецъ соединены авторомъ въ одно цѣлое. Красноръчіе не было для него случайною игрою, дѣпской попышкой, мимолетнымъ удовольствіемъ. Онъ имъ соорудилъ себѣ вѣчный памятникъ.

Но за то и какіе слушатели его окружали! Какою нѣжною разборчивостію одарены были эти Аѳиняне, которые приходили слушать оратора съ такимъ же восхищеніемъ, какъ мы какой нибудь концертъ или знаменитаго виртуоза! Безъ сомнѣнія народъ Аѳинскій принималъ съ удовольствіемъ эти непрерывныя повтора; онъ ихъ преобладалъ охотнѣе оратора: иначе какъ бы дерзнулъ Демосѳенъ помѣстить во второй рѣчи болѣе прехъ чешвертей предшествовавшей? Онъ повторяетъ, сколько ему угодно, лучшія свои мѣста, ошважнѣйшія метафоры. Эпо—второе предшавленіе прекрасной драмы, пребуемое повтореніе мѣста, имѣвшаго болшій успѣхъ!

Ничшо такъ не удивительно въ исторіи ума чешовѣческаго, какъ эша двойная способность Аѳинянь, равно жадныхъ до красноръчія—и какъ до полипического средшва, и какъ до искусствва и наслажденія. Въ одно время оно доставляло имъ и удовольствіе и пользу. И эти люди, бывшіе вмѣстѣ и судьями и просителами, и крипиками и слушателями, не забывали ни

ученаго, липпературнаго наслажденія, копорое должны были вкушать, ни спрогаго приговора, копорый должны были произнести! Ни по ни другое не овладѣвало ими исключительно! Это истинный феномень! Созданные вмѣстѣ и для дѣйствія и для умственнаго наслажденія, съ какою невѣроятною легкостію соединяли, или лучше сказашь, сливали они въ себѣ двойную обязанность гражданина и рипора, человекъ полипическаго и липпература! Народы новѣйшіе никогда не поймутъ эпаго чуда. У нихъ дѣла общественныя опчуждены опъ поэзіи и краснорѣчія. Выгоды вещественныя совершенно опдѣлены опъ выгодъ воображенія.

Квинтилианъ сказалъ: »у Цицерона болѣе естественности, у Димосвена больше обработанности а).« Эцю глубокомысленное изрѣченіе считалось парадоксомъ: но какъ оно справедливо! Бѣглость Цицерона показываешь орапора съ опмѣнными способностями для народнаго краснорѣчія. Рѣчи Димосвена пахнутъ лампою. Но какаѣ сила, какаѣ связности! Какъ близко приближается Димосвенъ къ тому положишельному краснорѣчію, копорое сполько уважаешь новѣйшими и копорое одно можешь воспламеняшь людей полипическихъ! Большая часть красощъ, разсыпанныхъ въ пвореніяхъ

а) *Curae plus in illo, in hoc naturae. Inst. 5.*

Цицерона, ускользнула бы отъ слушателей девятнадцатаго столѣтія. Красоты Димосвена совершенно сходны съ пѣми, кои распочають наши орапоры въ Парламентѣ. Эпо удары рѣзкіе и быспрые, доводы сильные и крапкіе, изображенія вѣрныя и привлекашельныя, словомъ—все, что можешъ опкликнуться въ душѣ челоѣческой звучнымъ и могущественнымъ эхомъ. И такъ кто желаетъ усовершенствоваться на поприщѣ полипическомъ, долженъ не только изучать со вниманіемъ шворенія сего знаменипаго писателя, но и методу его сочиненія.

Онъ не употребляетъ сжашыхъ доказательствъ. Не длинная цѣль логическихъ доводовъ приводитъ его къ желаемому заключенію. Онъ предспавляетъ вамъ цѣлый рядъ очевидныхъ замѣчаній и яркихъ наблюдений, кои всѣ опносятся къ предполагаемой цѣли орапора. У него нѣтъ метафоръ, почерпнушыхъ въ идеяхъ метафизическихъ или опдаленныхъ; нѣтъ опвлеченій; нѣтъ изысканій. Разумѣніе народное — простое, но сильное—понимаетъ каждый доводъ, копорый Димосвенъ ему предлагаетъ. Просныя фразы его могущественны. Онъ находяпся на своемъ мѣспѣ, поражаютъ душу, впечатлѣваюшся въ ней и способствуюшъ великому дѣлу, копорое замышлено краснорѣчивымъ

человѣкомъ. Къ симъ ощушительнымъ аксіомамъ присоединяются крапкія и сильныя воззванія къ спраснямъ; слова, опзывающіяся въ сердць гражданина; идеи, общія всѣмъ слушателямъ, кои кажутся ихъ собсвенноспію и доспавляютъ имъ какое-то внушренное эгоистическое удовольствіе, раздаваясь съ кафедръ. Легкими средствами увлекаешься, побѣждаешься, овладѣваешься разумъ: легкими жъ средствами распрогиваешься и сердце. Прошвущее спавъте симъ простымъ способамъ упонченный блескъ Азіатскій и цвѣтущую гармонию Цицерона. Чшобы доспигнуть сей неодолимои проспшпы, Димосеенъ покорялся правиламъ съ такою же спрогоспію, какъ софиспы, помѣшавшіеся на чиспощь слога. Кшо изъ повѣвшихъ звуками своего голоса пошрясалъ сердца въ совѣщательныхъ собраніяхъ, поощь поспигнулъ его шайну и слѣдовалъ по его спшпамъ. Къ несчастію сія шяжелая работа, сія посподняная забота объ исправленіи своихъ швореній, нынѣ слишкомъ рѣдки.

Не думайте, чшобы идеи и обороты, уношребленные Димосееномъ, не могли бытъ принаровлены къ нынѣшнему времени. Спшщитъ только перемѣнитъ нѣсколько собсвенныхъ именъ — вы можете уношребитъ большую часть рѣчей сего великаго мужа въ преніяхъ нашего Парламентша и увидитъ, какое дѣйспвіе

произведешъ на сіе собраніе языкъ споль крапкій, споль сильный, служащій одѣяніемъ неодолимому размышленію. Когда Димосенъ упрекаетъ Аѳинянь въ несправедливости къ Діопіеу а), нападшему на Филиппа и оставленному ими, вы подумаете, что это *Фоксъ*, обвиняющій минисперство *Питта* въ измѣнѣ союзникамъ. Такъ! краснорѣчіе не имѣетъ двухъ языковъ: душа человѣческая переходитъ неизмѣнная чрезъ всѣ вѣки, чрезъ всѣ обычаи, чрезъ всѣ ідиомы. Она имѣетъ всегда тѣже спрасши; ее поражаютъ тѣми же орудіями.

»Вы не хопите дасть денегъ; вы не хопите сражаться; вы желаете имѣть долю въ добычѣ: но вы не даете Діопіеу ни обѣщанной помощи, ни полномочія снабдиться средствами; унижаете все, что имъ сдѣлано, и подсперегаете все, что онъ предпринимаетъ. Не въ сосполніи сами наблюдашь свои выгоды, вы говорите, что умѣете почиашъ того, кто служилъ со славою своему опечеству; но вы, ваши дѣянія, ваши деньги принадлежатъ врагамъ опчизны. Вы шребуете опъ насъ благихъ совѣшовъ и слѣдуете самымъ безумнымъ внушеніямъ. У перваго орапора, всходящаго на каедру, вы спрашиваете: »что

а) Полководецъ, воевавшій Оракію.

должно дѣлать? «—А я васъ спрашиваю: »что вамъ говоришь? вамъ, копорые опказываете въ деньгахъ, въ помощи, во власпи; вамъ, копорые внимаєте только клеветникамъ Діопіона и глухи къ его оправданіямъ; вамъ, копорые нерадите о дѣлахъ общеспвенныхъ— что вамъ сказать? Къ чему послужалъ вамъ наши слова? Ваше вниманіе поглощено съ одной спороны гнусной клеветою, съ другой нелѣпыми предвѣщаніями. Чемъ же вы можете жерпировать истинѣ? Ничѣмъ« а).

Безъ сомнѣнія подобная пирада не былабъ неумѣспна въ Нижнемъ Парламентѣ. Это слогу не споль пышный и рьяный, какъ у Бёрка, не споль плодовиный, какъ у Фокса. Это въ двухъ словахъ глубокомысленная проспона. Такое же доспоинство имѣетъ Эсхинъ, орапоръ менѣ крапкій, упопрелявший болѣе роскоши въ выраженіяхъ и не поражающій души съ пакою силою. Однако жъ никогда нельзя забыть прекрасныхъ словъ, заимствованныхъ у него Лукреціемъ: »когда я говорю о Фуріяхъ, не думайте, чтообы я имѣла въ виду пѣхъ, коихъ драматическіе писатели выводятъ на сцену съ горящими пламенниками и шипящими змѣями; нѣпѣ, нѣпѣ—

а) Рѣчь о Херсонесѣ.

есть другія: это необузданныя желанія; вопль истинныя Фуріа а)!

Краткость Димосеена обратилась въ поговорку. Мы не требуемъ, чпобы новѣйшіе орапоры должны были рабски подражать ему, даже не думаемъ, чпобъ самъ Димосеенъ въ произносимыхъ имъ рѣчахъ сполькожь упошреблялъ, или даже злоупотреблялъ ею, какъ въ рѣчахъ писанныхъ. Иное дѣло опносисья къ внимательному чпшателью, господину своего времени, могущему прочпшать при раза одно мѣсто и размыслишь о немъ на свободѣ, чѣмъ говоритъ слушащелю, мимо котораго звукъ голоса пролетаетъ подобно дыханію легкаго вѣтерка, и который иногда забываетъ не только предшествовавшія доказательства, но даже самую нишь идей. Очень можно замѣшпшь, чпо рѣчи Димосеена не были такъ произносимы, какъ теперъ напечатаны ; даже варіанты различныхъ изданій доказываютъ , чпо шворенія сего писателя подверглись различнымъ перемѣнамъ, съ шѣхъ поръ, какъ раздавались съ кафедръ. Для новѣйшаго орапора сія принужденная краткость была бы вдвойнѣ опасною. Мы принуждены извлекашь все, чпо можно, изъ орудій неполныхъ, изъ ідиомовъ несовершенныхъ, неправильныхъ, лишенныхъ шѣхъ способовъ , кои имѣли языки древніе. Намъ

е) Рейске, *Or. Gr. III*, 187.

потребно гораздо болѣе словъ для выраженія тойже идеи, гораздо болѣе красокъ для окончанія тогоже поршрета. Наши новѣйшіе языки, аналипическіе, но не живописные, проспые и логическіе, но не гибкіе, производные, а не коренные,—не имѣють равносильныхъ выраженій и оборотовъ, кои бѣ можно было прошивопоставить эпимъ яркимъ оппѣнкамъ, эпимъ смѣлымъ черпамъ, копорыя древніе словари доспавляли орапорамъ Греческимъ и Римскимъ. »Онъ низвергаенся, какъ попокъ,« говоритъ Димосеенъ: но Греческое слово *χειμαρρως* значить попокъ зимній а), попокъ, пресыщенный снѣгами, массу воды. быспрой, неодолимой. Аориспа недоспаешъ во всѣхъ новѣйшихъ языкахъ. Кпо подумаешъ, чпо Грекамъ, и именно Димосеену нужно было полько одно слово для выраженія слѣдующей фразы: »между пѣмъ какъ за благо общее онъ подвергаешся пысячи опасносшей, опражая умышленное нападеніе«—по ешь, для цѣлыхъ принадцати словъ б)? Какими словами замѣспипе выраженія:

- а) Англійскій языкъ можешъ сіе выразить сложнымъ словомъ *wintertorrent*, на чпо Русокій должень употребляшъ перифразу. *Изд.*
- б) Англійскій языкъ должень употребляшъ для этой фразы четырнадцать, а Французскій семнадцать словъ. *Изд.*

προκινδυνευσαυτας, παρ'αταξ'αμενους, и имъ подобныя? Ихъ краткость, сосредоточенность многихъ понятій въ одномъ выраженіи, не соспавляютъ ли ихъ неподражаемаго достоинства? Мы не имѣемъ ни сложныхъ словъ, ни опшѣняющихъ частицъ, ни гибкости въ оборотахъ. Прибавимъ, что наши идіомы, по мѣрѣ умягченія ихъ, теряютъ энергію. Множесство опшѣнковъ, рожденныхъ въ новѣйшихъ обществахъ, могутъ бытъ нынѣ успешно изображаемы. Но древніе, болѣе приближенные къ природѣ, привыкшіе къ наготѣ выраженій, не спыдились цинизма, не обуздывались цѣломудріемъ и благоприсойностию, копорыя ввело Христіанство и ушвердила жизнь придворная. Разсмотримъ комедіи Аристофана и вы увидите, что поэзія въ нихъ столь же не обузданна, какъ Вакханка, столь же невоздержна и непристойна, какъ Силенъ въ презвомъ видѣ. Димосенъ и Эсхинъ осыпаютъ другъ друга ругательствами, кои нынѣ представляются ушамъ самой низкой черни, въ минуты ея изсшупленія. Ужасная бездна раздѣляетъ сіи два періода гражданственности. Но мы все еще можемъ обогащаться благородными примѣрами, кои оспавлены намъ древними, и, разсмапривая ихъ величественныя творенія, исправлять все, что слабо, выискано, сиспе-

магически дурно, въ нашемъ новѣйшемъ красно-
рѣчи.

Сравните съ эпимъ государспвеннымъ му-
жемъ древняго міра, съ эпимъ Димосѣеномъ,
споль проспымъ, споль убѣдительнымъ,
споль ученымъ, государспвеннаго и красно-
рѣчиваго человѣка новѣйшей Европы, Грап-
шана а). Въспо многспрудной работы писа-
теля Эллинскаго, вы найдете у него много-
рѣчивость обильную, эпиграмматическую,
усыпанную ансппезами.

Изобрѣшенія механическія, успѣхи промыш-
ленности въ Европѣ, не мало спому способ-
ствовали. Чпобы сказалъ Аѣннинъ, совре-
менникъ Филиппа, если бѣ онъ могъ выпити
изъ гроба и услышатъ слѣдующія слова:
»ораторъ, говорящій въ Нижнемъ Парламен-
тѣ, долженъ импровизировать свой опвѣтъ,
не оканчивая всѣхъ своихъ фразъ и не всег-
да соблюдаая правила грамматическія. Его
импровизированная рѣчь должна бытъ разго-
ворною діасприбою, набросанною случайно и

-
- а) Знаменитый Ирландскій ораторъ, коего труды
не мало способствовали къ освобожденію нынѣш-
ней Ирландіи. Сынъ его, краснорѣчивый писатель
и оплитный романистъ, собралъ его рѣчи и издалъ
ихъ въ нѣсколькихъ томахъ.

безъ искусства, но не безъ принужденности. Преніе, начавшееся въ семь часовъ вечера, должно кончиться въ пять часовъ утра. Оно спешится вполне; смыслъ изуродованныхъ фразъ будетъ возстановленъ; оратору придадутъ логики и грамматической связи. Нѣсколько тысячъ экземпляровъ сей рѣчи должны быть напечатаны въ одиннадцать часовъ утра. Членъ Парламента будетъ еще спать, когда ему принесутъ журналъ, въ коемъ краснорѣчіе его явится совершенно исправленнымъ; и спустя семь дней, обшатель Дербишира и Девоншира спанетъ читая его произведеніе. Конечно Англичанинъ не повѣрилъ бы такимъ чудесамъ. Какое торжество промышленности! Сколько успѣховъ сдѣлали механическія искусства со временъ Демосеена!

Но подивившись сему неоспоримому преимуществу матеріальнаго механизма у новѣйшихъ, посмотримъ, какіе успѣхи они сдѣлали въ умственномъ отношеніи. Сія рѣчи, споль искусно, споль быспро переносимыя во весь мѣста Англїи; сіе слово, уловленное посредствомъ стенографїи, увѣковѣченное посредствомъ подвижныхъ буквъ, распложенное посредствомъ печати; сіе краснорѣчіе, вооруженное ужасною шрубою, проносящею оглооски его вокругъ Европы въ восемь дней и вокругъ свѣта въ восемь мѣсяцевъ—все это, безъ сомнѣнія, чу-

десно. Но сравните древнее краснорѣчіе съ элими скороспѣлымъ плодомъ. Гранпанъ, подобно Димосѣну, былъ также орапоръ боець. Англійскіе министры были для него иже Филиппы. Доводы, ругательства, поэзія, спрасть, могущество происшествій, словъ— все служило ему оружіемъ; какъ Димосѣнъ, онъ часто употреблялъ антипезы, его любимую фигуру; всѣ единогласно называютъ его человекомъ съ талантомъ. Онъ гораздо болѣе приближается къ Аѳинскому орапору, нежели остроумный Шериданъ, метафизикъ Бёркъ, или Цицеронъ-Фоксъ. Не взирая на всѣ его недоспапки, онъ безъ сомнѣнія, можетъ спать на ряду съ знаменитѣйшими орапорами: оригинальная, ивердал, ироническая голова; нравъ крупный, ѣдкій, способный къ язвительнымъ насмѣшкамъ. У него эпиграмма слѣдуетъ за эпиграммой, аксіома за аксіомой, замѣчаніе за замѣчаніемъ. Пламенные мысли облечены въ чисную и свѣтлую форму. Какъ древніе, онъ начинаетъ разсыпными спрѣлами, но опшачиваетъ ихъ съ большею тщательностію: не довольствуясь доспиченіемъ цѣли, онъ желаетъ блиспашъ, доспичая. Ему мало побѣждать. Опасный умсповашель, могущественный діалектикъ, онъ ищетъ успѣха, котораго домогается комическій авпоръ. Болѣе скупый

на украшенія, болѣе крапкѣй, болѣе правиль-
ный, нежели прочіе наши орапоры, онъ до-
стоинъ сравненія съ превосходнымъ образ-
цемъ, который мы теперь изучали. Но если
разсмотримъ тщательнѣе всѣ качества и по-
роки обоихъ, то съ прискорбіемъ увидимъ,
какъ далеко назадъ отстаетъ новѣйшій ора-
поръ.

Принужденность и однообразіе, вопль недо-
спашки Грашмана! Его умъ, оцъ природы
прозорливый и сапирическій, пріучился, пакъ
сказать, къ одному извѣстному пону красно-
рѣчивыхъ оспроцъ и выходовъ, кои собсвен-
но ему принадлежатъ и которыми онъ на-
всегда оспался вѣренъ. Отсюда всѣ идеи у него
выливались въ одну форму. Тотъ, кто при-
учается импровизировать, никогда эпого не
избѣгнетъ. Вы принимаете особенную мето-
ду, особенный родъ сочиненія, который вамъ
нравится: онъ водворяется въ вашемъ умѣ и
запечатлѣвается въ немъ. Отсюда порядокъ
мыслей дѣлается у васъ, пакъ сказать, мапе-
римальнымъ; вы уже не можете разнообразить
вашу работу, не имѣете возможности оспѣ-
нить и, пакъ сказать, вымѣлвивать ваши слова.
Объ васъ скажутъ, что вы жеманны, что имѣ-
ете особенный родъ, оцъ котораго не хотите
оцспустить: и, въ теченіе всей вашей жиз-
ни, доколь продолжится ваша орапорская

слава, вы никогда не уклонитесь отъ одной принятой вами спези.

Отсюда явствуетъ, что импровизация никогда не можетъ доставить полного совершенства. По видимому она благопріятствуетъ движеніямъ природы и даетъ имъ возможность прощоргаться съ болынею живостию и силою. Но это заблужденіе! Она приучаетъ оратора повторять безпрестанно тѣ же формы. Такъ живописцы, рисующіе на память, а не съ природы, могутъ пріобрѣтать бѣглость, но ихъ работа будетъ слаба и неправильна. Такъ бездарные поэты жертвуютъ ремеслу, механизму, простымъ эпитетамъ—воображеніемъ и мыслию!

(EDINBURGH REVIEW).

II.

БОГАТЫРЬ.

Какъ грозенъ Русской Богатырь!
 Въ немъ — вѣра, мужество и сила!
 Ему шуманная Сибирь
 Вѣнецъ ледяный успушила.
 Надменный Гепманъ булаву,
 Какъ сынъ, принесъ въ его Москву.
 Предъ нимъ Ливонія смирилась,
 Магомешанская Казань
 Въ его купели окрестилась.

Съ нимъ обвинчалась Еривань,
 Обузданъ имъ Черкесь свирѣпый,
 Съдой Кавказъ закрыль вершепы,
 И Кремль Москвы переспонилъ
 Скрижалъ въковъ — гдѣ ледъ блесшилъ а).
 Сей ветхій Кремль едва ужь дышетъ:
 Но старца кропкаго не прошь!
 Въ его гранипной груди пышетъ
 Неугасаемый огонь.
 Наполеонъ рукой свинцовой,
 Какъ Божій громъ, его громилъ,
 И тучей огненнобагровой
 Его сѣдины озарилъ.
 Сшарикъ, въками пощаженный,
 Приписнушь былъ къ родной землѣ,
 И, поржесивуя врагъ надменный,
 Сполялъ съ воспоргомъ на чель!
 Но за опца вспуились дѣпи,
 И врагъ бѣжипъ, позоръ влача —
 И козаковъ лихія плени
 Въ догонку бѣюпъ его съ плеча!..
 Но что? язвишь ли укориной
 Добычу плѣнную могиль?
 Ужъ океанъ печальной шризной
 Грозу прокляпій заглушилъ!
 Взгляните: у скалы гранипной —
 Гдѣ плещушь волны и ревушь —
 Почіешъ кто-то беззащипно...
 Врага лежачаго не бѣюпъ!..

Трилуный

а) Слои снѣговъ Кавказа можно назвать хронологією мірозданія.

III.

НЕВѢСТА АРИСТОКРАТКА.

(окончаніе).

При имени, которое Графъ Кергарузъ такъ расхвалилъ обществу Бонневальскаго павильона, всѣ, даже игрокъ, готовившійся сдѣлать шара, сбѣжались часпю для того, чпобъ замѣнить, какое дѣйствіе это явленіе произведетъ на Эмилию, часпю, чпобы собственными глазами увидѣть феникса, заслужившаго предпочтеніе предъ такимъ множествомъ соперниковъ.

Щегольскій, но не выисканный нарядъ, ловкое и свободное обращеніе, пріятный голосъ, проникавшій до глубины души, пріобрѣли Г. Лонгвиллю благосклонность всего семейства. Казалось, ему не чужда была восточная пышность жилища роскошнаго дирекшора подапей. Хотя разговоръ его былъ разговоръ челоука свѣтскаго; но всякой могъ легко замѣнить, чпо онъ получилъ самое блестящее воспитаніе и имѣлъ столь же основательныя, какъ и обширныя свѣденія.

Ему удалось употребить такъ ксати одно пехническое слово въ разговорѣ съ старымъ морякомъ на счетъ корабельныхъ спроеній, чпо одна дама замѣнила ему, чпо онъ вѣрно былъ воспитанникъ Политехнической Школы.

— Я думаю, сударыня, отвѣчалъ онъ, что можно гордиться эпитетъ названіемъ.

Не смотря на просьбы всего семейства, вѣжливо, но съ твердостью, онъ отказался отъ приглашенія оспаться обѣдать и превралъ замѣчанія дамъ, сказавъ, что онъ служилъ Гиппократомъ молодой сестрѣ своей, коюрой слабое здоровье пребудетъ величайшихъ попеченій.

— Г. де Лонгвиль вѣроятно докторъ? . . спросила иронически одна изъ невѣстокъ Эмили.

— «Онъ воспитывался въ Политехнической Школѣ!» отвѣчала съ крепостью Эмили, коей лице оживилось роскошнымъ румянцемъ, когда она узнала, что миловидная танцовщица селскаго бала въ Со была сестра Г. Лонгвиля.

— Но, милая, можно бытъ докторомъ и вмѣстѣ съ нѣмъ воспитанникомъ Политехнической Школы. Не правда ли, сударь?

— Конечно, сударыня, отвѣчалъ молодой человекъ.

Взоры всѣхъ обратились на Эмилию, коюрая съ какимъ то безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣла на очаровательнаго незнакомца. Она начала дышать свободнѣе, когда сей послѣдній, улыбаясь, прибавилъ:

— «Я не имѣю чести бытъ медикомъ, сударыня, и даже отказался отъ службы по

части путей сообщенія, чшобъ сохранишь всю свою независимость.»

— И прекрасно сдѣлали, сказалъ Графъ. Но, какъ вы можете починать за честь быть докторомъ? прибавилъ благородный Брестонсецъ. Эхъ, любезный другъ, для такого человѣка, какъ вы. . .

— «Графъ, я уважаю всѣ званія, коихъ предметомъ польза.»

— Гмъ! мы съ вами согласны! Вы ихъ уважаете, какъ молодой человѣкъ уважаетъ старую вдову.

Посѣщеніе Г. Лонгвила было не слишкомъ коротко и не слишкомъ продолжительно. Онъ удалился въ то время, когда замѣшилъ, что понравился всему семейству и что на его счетъ пробудилось всеобщее любопытство.

— Это хитрая лисица! сказалъ Графъ, проводивъ его и возвращаясь въ гостиную.

Дѣвица де Фонпень, которая одна участвовала въ пайнѣ спарика, одѣлась въ эпопѣйный день съ особеннымъ стараніемъ, чшобы привлечь вниманіе молодого человѣка: но къ неудовольствію своему замѣнила, что онъ не обратилъ на нее того вниманія, котораго она считала себя достойною. Всѣ удивились молчанію, которое она наблюдала. Въ самомъ дѣлѣ, Эмилія привыкла истощать для новыхъ

посѣщителей всѣ очарованія кокетства, всѣ хитрости остроумнаго болтанья, все неизчерпаемое краснорѣчіе воровъ и движеній. Обворожилъ ли ее мелодическій голосъ молодого человѣка и прелесть его обращенія, или она испинно полюбила его и чувство это произвело въ ней перемену — какъ бы по ни было, въ ней не замѣтно было никакого приниженія. Простота и непринужденность безъ сомнѣнія придавали ей еще большую прелесть. Сестры ея и одна старая дама, пріятельница дома, полагали, что это ушонченное кокетство: онѣ думали, что Эмилиа, почитая молодого человѣка достойнымъ себя, хотѣла, можетъ быть, показываться ему мало по малу, дабы ослабить его вдругъ, когда увѣрился, что онъ къ ней не равнодушенъ.

Все семейство любопытствовало узнать, что свояравная красавица думаетъ о прекрасномъ посѣстителѣ. Во время обѣда, когда каждый наперерывъ старался одарить Г. Лонгвиля новымъ достоинствомъ, утверждая, что открылъ его, благодаря замѣчанію, котораго никто другой не сдѣлалъ, дѣвица де Фоншень нѣсколько времени хранила молчаніе.

Но вдругъ легкая насмѣшка дяди извлекла ее изъ этого мнимаго равнодушія. Она съ колкостью замѣтила, что такое неземное совершенство должно прикрываться какой ни-

будь большой недоспапокъ и что она никогда не рѣшится съ перваго взгляда судить чловѣка, которъй такъ много обѣщаетъ. Она прибавила, что и тѣ, которые нравятся всѣмъ, не нравятся никому, и что величайшій недоспапокъ — вовсе не имѣть недоспапковъ.

Подобно всякой влюбленной дѣвушкѣ, она ласкала себя надеждою скрыть чувства свои во глубинѣ души и обмануть аргусовъ, которыми была окружена; но черезъ двѣ недѣли, не было никого въ этомъ многочисленномъ семействѣ, кто бы не былъ посвященъ въ сію фамильную тайну.

При прѣѣзѣ посѣщеніи Г. Лонгвиля, Эмили показалось, что она была его предметомъ. Ошкрѣпие сіе привело ее въ такое упоение, что она сама себя удивилась, когда пришла въ состояніе разсуждать. Въ этомъ опскрѣпії было нѣчто пиягоспное для ея гордоспи. Она привыкла считать себя центромъ вселенной и принуждена была шеперь признать силу, которая влекла ее къ себѣ. Она старалась сопротивляться, но не могла изгнать изъ своего сердца плѣнительный образъ молодаго чловѣка. Скоро потомъ начались безпокойства.

И дѣйствительно, два качества Г. Лонгвиля, весьма прошивныя всеобщему любопытству и въ особенноспи любопытству Эмили, были

скрытность и необыкновенная скромность. Онъ никогда не говорилъ ни о себѣ, ни о своихъ занятіяхъ, ни о своемъ семействѣ. Хипп-рыя сѣни, раскидываемыя Эмилией въ разговорахъ, чтобы заспашишь молодого человека войши въ подробности о самомъ себѣ, не имѣли успѣха. Самолюбіе подспрекало ея любопытство. Говорила ли она о живописи? Г. Лонгвиль отвѣчалъ, какъ знапокъ. Занималась ли музыкою? Онъ безъ всякихъ вычуръ показывалъ въ себѣ опличнаго музыканша. Однажды вечеромъ онъ восхипилъ все общество, присоединивъ очаровательный голосъ свой къ голосу Эмилии въ одномъ изъ лучшихъ дуэтовъ Чымарозы. Но когда спарались узнать, не арпистъ ли онъ, то онъ пакъ искусно обратилъ эвошъ вопросъ въ шутку, что женщины, даже самыя опыныя въ искусствѣ опгадывашъ чувства, не могли рѣшишь, что онъ пакое. Съ какимъ мужествомъ спарый морякъ ни кидался на абордажъ, Лонгвиль пакъ ловко избѣгалъ его нападений, что умѣлъ сохранишь всю прелестъ шайнственности. Ему пѣмъ легче было оспашься *прекраснымъ незнакомцемъ* для Бонневальскаго павильона, что любопытство не переходило шамъ за границы вѣжливости.

Тогда Эмилиа, которую эпа скрытность

мучила несказанно, подумала, что такого рода подробностей можно скорѣй выманить отъ сестры, нежели отъ брата. Съ помощію дяди, копорый также хорошо умѣлъ управлять подобными дѣлами, какъ кораблемъ, она спаралась вывести на сцену до того времени нѣмое лице Клары Лонгвиль. Скоро все общество Бонневальскаго павильона изъявило желаніе познакомиться съ такою любезною дѣвушкой и доставить ей нѣкоторое развлеченіе. Простой домашній балъ былъ предложенъ и принятъ. Дамы не опчаялись въ возможности заспать проговориться молодую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку.

Не смотря на пучи, стущаемыя эпію паинспвенностью и вызываемыя любопытствомъ, яркій свѣтъ озарялъ жизнь Эмили. Съ какимъ-то упоеніемъ наслаждалась она существованіемъ съ пѣхъ поръ, какъ переспала ограничивать его одной собою. Она начинала постигать общественныя отношенія. Отъ того ли, что мы въ счастіи всегда бываемъ добры, или отъ того, что чувства, занимавшія ее, не оставляли ей досуга мучить другихъ: она сдѣлалась не такъ насмѣшлива, не такъ своенравна, не такъ взыскательна; перемѣна ея характера восхищала удивленное семейство. Впрочемъ, можетъ быть, любовь ея со временемъ должнабы была превратиться въ двойственный эгоизмъ.

Дожидаешься прїѣзда скромнаго и спайнспвеннаго своего обожащеля было для ней райскимъ наслажденіемъ. Хопя между ими не было промолвлено ни одного слова о любви; но она знала, что любима, и искусно умѣла давашь молодому незнакомцу средства выказаць всѣ сокровища своей образованности. Она замѣшила, что сей послѣдній внимательно наблюдаешъ за ней, и начала спараться преодолѣнь всѣ недоспашки, вкорененные въ ней воспитаніемъ. Это была, со спороны ея, первая жерпва любви и жеспюкая укоризна самой себѣ. Она хопѣла поправилься незнакомцу и обворожила его; она любила его и была имъ богопворима.

Родилспли Эмилии, зная, что гордый ея характеръ служилъ ей достапочною защипой, давали ей сполько свободы, что она могла вполнѣ наслаждашься пѣми дѣпскими невинными радостями, кои придаюшь первой любви такую прелесть, спакое очарованіе. Молодой человекъ не разъ бродилъ съ Эмилией по аллеямъ обширнаго парка, гдѣ природа являлась разубранною, подобно женщицѣ, собирающейся на балъ. Не разъ начинались между ними пѣ пайнспвенные разговоры безъ цѣли и физиономии, въ коихъ выраженія, имѣющія наименѣе смысла, скрываютъ наиболѣе чувспвованій. Часто вмѣстѣ любовались они лучами заходящаго солнца и роскошнымъ ихъ блескомъ, рвали маргарипки,

чтобы щипать ихъ лиспки, пѣли страстные дуэты, упохребляя ноты Перголеза или Боэльдье; для выраженія сокровенныхъ своихъ чувствованій.

Наступилъ день, назначенный для бала. Клара Лонгвиль и братъ ея были лучшимъ украшеніемъ праздника; и въ первый еще разъ въ жизни, Эмилиа съ удовольствіемъ видѣла торжество молодой дѣвушки. Она опъ души осыпала ее пѣми ласками, пою заботливо-спію, копорья женщины обыкновенно изъясляютъ другъ другу для того шолько, чтобъ возбудить зависть въ мужчинахъ. Но у Эмилиа была своя цѣль: она хотѣла вывѣдать важную для ней пайну. Дѣвица Лонгвиль была еще скромнѣе брата и въ качествѣ дѣвушки показала даже болѣе хипрости и ума: она не подавала вида, что хочетъ скрывать чтонибудь; но старалась обращать разговоръ на споронніе предметы и умѣла придать ему такую заницательность, что дѣвица де Фонпень не могла сѣ не позавидовать и прозвала Клару сиреной.

Эмилиа хотѣла вывѣдать Клару и напропивъ того сама проговорила. Хотѣла судить объ ней и сама подверглась ея суду. Она внупренно сердилась на себя, что высказала свой характеръ въ нѣкопорыхъ опвѣцахъ, копорые умѣла выманить у ней лукавая Кла-

ра, коей скромность и невинность опдаляли всякое подозрѣніе въ припворствѣ.

Была одна минуша, когда дѣвица де Фонпенъ казалась оскорбленною тѣмъ, что дозволила себѣ неоспорожную выходку пропивъ разночинцевъ, вызванную Кларою.

—Максимиліанъ мнѣ пакъ много говорилъ объ васъ, сказала ей Клара, что я изъ любви къ нему съ неперпвїемъ желала васъ узнать; но узнать васъ значить васъ подлюбить.

—Милая Клара, я боялась, что вамъ не понравилось мое мнѣніе на счетъ тѣхъ, копыре незнашнаго происхожденія.»

—О! будьте спокойны. Теперь на подобныя сужденія не обращають вниманія: припомъ же онъ вовсе до меня не касаются. Я состою внѣ эпого вопроса.

Какъ ни высокомѣренъ былъ пакой опвѣщъ, онъ доспавилъ Эмили величайшее удовольствїе. Она объяснила его себѣ, какъ объясняюща прорицанія, въ пакомъ смыслѣ, копырый согласовался съ ея желаніями. Веселѣе, чѣмъ когда нибудъ, пуспилась она снова въ панцы и бросивъ взглядъ на Г. Лонгвила, коего наружность и обращеніе превосходили, можетъ бышь, совершенства воображаемаго ею идеала, она ощушила еще большую радость при мысли, что онъ дворянинъ. Черные глаза ея сверкали и она танцовала со всѣмъ удовольствїемъ, какое только можно находить въ эпомъ дедалъ различ-

ныхъ па и движеній, въ присутствіи любимаго челоуѣка. Никогда еще не понимали они такъ хорошо другъ друга, какъ въ эту минушу, и даже не разъ чувствовали препепаніе пальцевъ своихъ, когда законы коншрданса налагали на нихъ сладостную обязанность касаться другъ друга.

Любовники дождались мачала осени среди праздниковъ и сельскихъ удовольствій, предаваясь влеченію сладостнѣйшаго чувства въ жизни и безпреспанно усиливая его тысячью различныхъ случаевъ, копорые каждый легко можетъ вообразить, ибо любовь почти вездѣ одна и шаже. Они наблюдали другъ друга, сколько могутъ наблюдать влюбленные.

—Наконецъ—сказалъ старый дядя, копорый глазами слѣдилъ ихъ подобно еспествоиспытателю, разсматривающему насѣкомое въ микроскопъ—наконецъ дѣло шоропитса къ развѣзкѣ... по рукамъ и кончено!

Эшо слово успрашило Графа и Графиню де Фонпень. Старый Вандеецъ не былъ въ самомъ дѣлѣ такъ равнодушенъ къ замужеству дочери, какъ нѣкогда обѣщаль: онъ ѣдилъ нарочно въ Парижъ за извѣстіями, копорыхъ однако не добился. Мучимый скромностію незнакомца и не зная еще, каковъ будетъ успѣхъ розысканій одного Парижскаго чиновника на счетъ фамиліи Лонгвиль, онъ счелъ нужнымъ посоуѣтовать дочери вести себя ошворожнѣе. Родительское увѣщаніе было принято съ припворною

покорностию, исполненною насмѣшливости.

— По крайней мѣрѣ, любезная Эмилія, если ты его любишь, то не открывайся ему въ любви своей. . .

— Это правда, бапюшка, я люблю его, и конечно буду дожидаться вашего позволенія, чшобъ ему въ помъ признаюсь. . .

— Однакожь, Эмилія, подумай, что ты не знаешь ни о его семействѣ, ни о его состояніи. . .

— Если я ничего не знаю, такъ опъ того, что не хочу знать Но, бапюшка! вы желали видѣть меня замужемъ и предоспавили мнѣ свободу выбора: я его сдѣлала и намѣреніе мое непоколебимо. Что еще надобно?»

— Надобно знать, другъ мой, почно ли выбранный тобой — сынъ Пера Франціи, опвѣчалъ насмѣшливо почтенный вельможа.

Эмилія нѣсколько минушь хранила молчаніе. Но, скоро поднявъ голову, посмотрѣла на опца и спросила его съ нѣкопорымъ беспокойствомъ:

— Развѣ Лонгвили?» . . .

— Угасли въ особѣ стараго Герцога, погибшаго на эшафопѣ въ 1793. Онъ былъ послѣдняя опрасль младшей линіи. . .

— Однако жь, бапюшка, еспь очень хорошія фамиліи, происходящія опъ побочныхъ линій. Въ исторіи Франціи видимъ мы множесшво Принцевъ, коихъ гербы перерѣзаны полосою.

—Твой образъ мыслей очень перемѣнился, сказала, улыбаясь, спарый Вандеець.

Слѣдующій день назначенъ былъ для опѣзда всего семейства Графа деФоншпеня въ Парижъ, и Эмилія, которую совѣщаніе отца очень тревожили, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидала того времени, когда обыкновенно пріѣзжалъ Г. Лонгвилъ, чѣмъ получить отъ него объясненіе.

Послѣ обѣда она пошла бродить въ паркъ: ибо знала, что молодой человекъ придетъ искать ее въ темномъ боскетѣ, гдѣ они часто разговаривали. И попому она направила шаги въ ту сторону, размышляя о томъ, какимъ образомъ ей выведать споль важную тайну, не уронивъ своего достоинства. Это было довольно трудно.

И дѣйствительно, до сихъ поръ никакое признаніе не утвердило еще чувства, соединявшаго ее съ Максимиліаномъ. Она подобно ему втайнѣ наслаждалась сладостію первой любви. Казалось, что каждой изъ нихъ по врожденной гордости боишься самому себѣ признаться въ своихъ чувствахъ.

Максимиліанъ, которому Клара не безъ основанія внушила подозрѣніе на счетъ характера Эмиліи, былъ безпрестанно увлекаемъ пылкостью юношеской страсти и удерживаемъ желаніемъ короче узнать и испытать женщину, коей намѣревался вѣрить свою будущность и счастье всей своей жизни. Онъ не хотѣлъ во-

оружаться пропивъ предрасудковъ, порпнившихъ характеръ Эмилиа — предрасудковъ, кошрыхъ онъ, не взираая на любовь свою, не могъ въ ней не замѣпить — не удостовѣрившись напередъ, что она его истинно любитъ; ибо не хотѣлъ опваживашъ на удачу ни своей любви, ни участи цѣлой жизни. И попому онъ до сихъ поръ поспоявно хранилъ молчаніе, которое изобличали его взгляды, движенія и малѣйшіе поступки.

Съ другой стороны гордосіпъ, свойственная всякой молодой дѣвушкѣ, увеличивалась въ Эмилиа щеславіемъ, на которое она думала имѣть право по красотѣ своей и знапному происхожденію, и препяпствовала ей предупредитъ объясненіе, которое безпрестанно возрастающая спрасть побуждала ее иногда испоргнушь, во чпобъ по ни спало.

Такимъ образомъ любовники, по внупреннему чувспву, поняли свое положеніе, не объяснивъ себѣ сокровенныхъ его причинъ; ибо въ жизни бывають минупы, въ которыхъ неопредѣленность нравися юнымъ сердцамъ; припомже опоздавъ слишкомъ объяснитъся, оба они, казалось, находили какое-то жестпкое удовольствіе во взаимномъ ожиданіи: одинъ, спараясь узнать по тому усилію, котораго должно будетъ спонять признаніе надменной его любовницъ, сколько онъ любимъ; другая, надвясъ каждую минуту, что онъ самъ прерветъ слишкомъ почпипительное молчаніе.

Эмилиа сѣла на дѣрновую скамью и перебирала въ памяти все, что случилось съ нею въ продолженіе лѣта. Каждый день послѣднихъ трехъ мѣсяцовъ казался ей блестящимъ лиспкомъ благоухающаго и роскошнаго цвѣтка. Опасенія опца послѣднія представлялись душѣ ея. Но и тѣ скоро были разбѣяны размышленіями, свойственными молодой неопытной дѣвушкѣ, копорыя Эмилиа нашла неоспоримо убѣдительными.

Прежде всего она согласилась сама съ собой, что ей невозможно было обмануться на счетъ Максимилиана; и дѣйствительно, въ печеніе цѣлаго лѣта, она не могла замѣчать въ немъ ни одного движенія, ни одного слова, копорое бы изобличало низкое произхождение или проспонародныя занятія; да и въ спорахъ онъ обнаруживалъ навыкъ, показывавшій человека, знакомаго съ важными государственнымими дѣлами.

— »Припомъ же«—думала она—»приказный или купецъ не могъ бы имѣть довольно свободнаго времени, чпюбы цѣлое лѣто гоняшься за мной по полямъ и лѣсамъ, соря временемъ также расточительно, какъ дворянинъ, у копорого впереди жизнь, чуждая всякихъ заботъ.«

Она погружена была въ размышленіе, копорое было для ней занимательнѣе всѣхъ эшихъ предварительныхъ разсужденій, какъ вдругъ

легкой шорохъ листьевъ извѣспилъ се, что она уже нѣсколько минулъ была предметомъ глубочайшаго удивленія.

—Знаете ли вы, сказала она ему, улыбаясь, «что очень дурно шакъ пугать молодыхъ дѣвушекъ. . .

—Особенно, отвѣчалъ онъ, когда онъ занятъ своими пайшамн.

—Для чего жь мнѣ не имѣть ихъ, когда вы имѣете свои?»

—Такъ вы почто думали о своихъ пайнахъ? возразилъ онъ съ усмѣшкою.

—Нѣтъ. . . я думала о вашихъ. . . свои. . . я ихъ знаю. . .»

—Но, можетъ быть, —сказалъ тихо молодой человекъ, взявъ руку Эмили, —можетъ быть, мои пайны принадлежатъ вамъ, а ваши мнѣ.

Они прошли нѣсколько шаговъ и очутились подъ навѣсомъ густыхъ вѣтвей, кои лучи заходящаго солнца обливали какимъ-то темнокраснымъ облакомъ. Это естественное очарованіе запечатлѣло сію минушу какою-то торжественностью.

Живой и свободный образъ дѣйствования молодого человека, и въ особенности волненіе кипящаго сердца, коего быстрое біеніе Эмилия чувствовала подъ рукой своей, привели ее въ упоеніе, тѣмъ болѣе сладостное, что оно было слѣдствіемъ самаго простаго и неожиданнаго случая. При-

нужденіе, въ коемъ воспишываютъ дѣвушекъ большаго свѣта, придаетъ неизмѣрную силу порыву чувствъ ихъ: и это одна изъ величайшихъ опасностей, копорымъ онѣ подвергаются при встрѣчѣ съ спраснымъ любовникомъ.

Никогда еще глаза Эмилии и Максимилиана не были такъ краснорѣчивы. Въ восхищеніи они позабыли мѣлочныя условія гордости, недоувѣрчивости и холодныя разчеты разсудка. Они даже не могли сначала изъясниться, какъ однимъ только пожаліемъ руки, которое служило исполкованіемъ ихъ радости и чувствованій.

—Донгвиль, сказала съ препеномъ и прерывающимся голосомъ Эмилиа, послѣ продолжительнаго молчанія, пройдя медленно нѣсколько шаговъ; позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. . . Но подумайте, чію я нѣкоторымъ образомъ вынуждена къ шому довольно странымъ положеніемъ, въ коемъ нахожусь въ отношеніи къ моему семейству.

Ужасная для Эмилии пауза слѣдовала за сими словами, копорыя она едва могла выговорить; и въ эту минушу гордая красавица не могла перенести взгляда своего возлюбленнаго, ибо впайнѣ чувствовала всю низость прибавленныхъ ею словъ:

—Благороднаго ли вы происхожденія? . .

ТЕНЕСК. Ч. V.

23

Сказавъ сіи слова, она желала бы провалиться сквозь землю.

—»Сударыня«—оптвѣчалъ съ важностію Лонгвиль, коего лице примѣпно измѣнилось и занечаплялось какимъ-то спрогимъ достоинствомъ—я общаю вамъ съ искренностію оптвѣчаю, если вы дадите опкровенный оптвѣтъ на мой вопросъ.»

Онъ опустилъ руку Эмилиі, копорой тогда показалось, что она осмалась одна во вселенной, и сказалъ ей:

—»Съ какимъ намѣреніемъ спрашиваете вы меня о моемъ рожденіи?«

Она спояла неподвижна, бездыханна, нѣжа.

—»Эмилиі«—возразилъ Максимилианъ—»оспавимъ эшошъ разговоръ, если мы другъ друга не понимаемъ. Я люблю васъ«!.. прибавилъ онъ пронупымъ, смущеннымъ голосомъ.

—»И такъ«—продолжалъ онъ съ радостнымъ воспоргомъ, услышавъ восклицаніе счастья, при сихъ словахъ невольно вырвавшееся у Эмилиі—»для чего же спрашивать меня: благороднаго ли я происхожденія!...»

—Спалъ ли бы онъ такъ говорить, еслибъ не былъ дворяниномъ? сказалъ ей внутренній голосъ, копорый, казалось, выходилъ изъ глубины души ея. Она подняла голову, почерпнула новую жизнь во взоръ молодого человека и пронянула ему руку, какъ бы для заключенія новаго союза.

—Вы вѣрно думали, что я очень дорожу знатностью? . . . спросила она съ лукавствомъ.

—Я не могу предложить женѣ моей никакихъ пшпудловъ—онъ вѣчалъ онъ съ видомъ, частію веселымъ, частію важнымъ. »Но если я выберу себѣ подругу въ знанномъ кругу и изъ числа пѣхъ, коихъ фортуна приучила къ роскоши и наслажденіямъ богатства, то знаю, къ чему обязываетъ меня такой выборъ. Любовь дастъ все—прибавилъ онъ съ улыбкою—но однимъ только любовникамъ. Что жъ касается до суируговъ, то для нихъ недоспаюточно одного свода небесъ, свѣжихъ плодовъ и луговъ зеленыхъ.«

—Онъ богатъ, подумала Эмилія. Что жъ касается до пшпудловъ, то онъ, можетъ быть, хочетъ испытать меня! . . . Ему вѣрно сказали, что я набита предубѣжденіемъ къ дворянству и не хотѣла выходитьъ за мужъ иначе, какъ за Пера Франціи.

—Увѣрю васъ, сударь, что я имѣла самыя ложныя понятія о жизни и свѣтѣ; но теперь—сказала она, посмопрѣвъ на него съ нѣжностью, онъ которой онъ едва не лишился разсудка—я знаю, въ чемъ заключается истинное богатство.

—Я имѣю теперь нужду думать, что вы со мной говорите опкровенно—отвѣчалъ онъ съ какою то важностью. »Но въ печеніе

пятьдесят зимы, милая Эмилия, можетъ быть, меньше нежели черезъ два мѣсяца, я буду имѣть право гордиться тѣмъ, что могу вамъ предложить, если вы дорожите наслажденіями богатства. Одну только эту пайпу сохраню я здѣсь—(онъ показавъ на сердце)—ибо опъ успѣха ея зависить мое. . . не смѣю сказать. . . наше благополучіе. . .

—О! говорите, говорите. . .

Разговаривая такимъ образомъ, они медленными шагами возвратились въ гостиную. Никогда еще Максимилианъ не казался Эмилиіи столь умнымъ, столь любезнымъ. Прекрасная его наружность и привлекательное обращеніе еще болѣе обворожали ее съ нѣхъ поръ, какъ она нѣкоторымъ образомъ удостоверилась въ обладаніи сердцемъ, достойнымъ любви всѣхъ женщинъ.

Она съ такимъ внимательнымъ выраженіемъ вѣли Италіанскій дуэтъ, что все общество въ восторгъ осыпало ихъ рукоплесканіемъ. Въ прощаніи ихъ было нѣчто условное, служившее прикрытіе самому сладостному чувству. Однимъ словомъ, этотъ день былъ для Эмилиіи какъ бы звеномъ, соединившимъ ее навсегда съ участію прекраснаго незнакомца. Можетъ быть, твердость и благородство души, показанныя имъ въ эту минуту, какъ они открыли другъ другу свои чувства, вну-

нили Эмилию уваженіе, безъ котораго нѣтъ истинной любви.

Когда она осталась одна съ отцемъ въ залѣ, то старшій Вандсецъ подошелъ къ ней, дружественно взялъ ее за руку и спросилъ узнала ли она что нибудь о состояніи и семействѣ Г. де Лонгвиля.

— «Да, любезный башкушка» — отвѣчала она — «я счастлива, нежели сколько могла желать, и никто, кромѣ Г. де Лонгвиля не будетъ моимъ мужемъ».

— Хорошо, Эмилиа, возразилъ Графъ, я знаю, что мнѣ остается теперь дѣлать.

— «Развѣ есть какое нибудь прятанство?» . . . спросила она съ живѣйшимъ беспокойствомъ.

— Другъ мой, этого молодой человекъ совершенно не извѣстенъ; но, какъ скоро вы къ нему не равнодушна, то и я люблю его, какъ сына, если только онъ не безчестный человекъ.

— «Безчестный человекъ! . . .» возразила Эмилиа: «о! на этого счетъ я спокойна! Дядюшка можетъ вамъ за него поручиться; вѣдь онъ намъ его представилъ.»

— Скажите, любезный дядюшка не ужели это флибустьеръ, разбойникъ или корсеръ? . . .

— Ну, я зналъ что безъ меня не обойдется — вскричалъ, проснувшись, старшій морякъ.

Онъ окинулъ глазами госпиную; но племянница его уже исчезла, подобно огню Свяшой Эльмы, говоря собственнымъ его языкомъ.

—Помилуйте, дядюшка, сказалъ Графъ де Фоншенъ, какъ могли вы скрывать онъ насъ все, что знаете объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Вы конечно могли замѣтить наше безпокойство. Хорошей ли онъ фамиліи?

—Я его знать не знаю, отвѣчалъ Графъ Каргаруэ. Полагаясь на проницательность племянницы, я завелъ къ ней эпаго Адониса— какъ, мнѣ одному извѣстно. Я знаю, что онъ отлично спрѣляетъ изъ пистолепа, масперски играетъ на бильярдѣ, въ шахманъ и въ прикпракъ, что онъ дерется и ѣдитъ верхомъ, какъ покойный Кавалеръ С. Георгія: онъ имѣетъ чертовскія свѣденія въ нашихъ виноградникахъ; рисуешь, шанцуешь и поешь прекрасно. Чортъ возми! чегожъ вамъ еще надобно? Если эпо не совершенный дворянинъ, то покажите мнѣ мѣщанина; копорый бы все эпо зналъ. Найдите мнѣ человѣка, копорой бы жилъ благороднѣе его?.. Занимается ли онъ чѣмъ вибудь? Унижаетъ ли свое званіе, шаскаясь по судбнымъ мѣстамъ и изгибаясь передъ соломенными благородіями, копорыхъ вы называете Генерал-Директорами?.. Онъ идетъ прямо.. Эпо человѣкъ!.. Но, впрочемъ я нашелъ здѣсь

въ жилетѣ карточку, которую онъ даль мнѣ, когда думалъ, что я хочу съ нимъ рѣзаться. Бѣдняжка! Нынѣшняя молодежь не дальновидна! Вошь она!

—Въ улицѣ Санпье, N 5... сказала Графъ де Фонпень, спараясь припомнить гдѣ изъ доставленныхъ ему свѣденій, конюрья могли опноситься къ молодому незнакомцу. Кой чортъ, что это значить?... Тамъ живутъ гг. Георгъ Брюмеръ, Шилькенъ и Комп. Это банкиры, коихъ главный торгъ состоитъ въ кисеяхъ, полопнахъ, сипцахъ и проч. А! а! понимаю. Г. Лонгвиль, депутатъ, участвующій въ ихъ торговлѣ!—Да—но у Лонгвиля, кажется, одинъ только сынъ прицати двухъ лѣтъ и плутъ вовсе не походитъ на этого. Онъ даетъ ему 50,000 ливровъ годоваго дохода, чтобы женилъ его на дочери какогонибудь Министра; ибо ему, какъ и всякому, хочется также въ Перы Франціи!—Онъ мнѣ никогда ничего не говорилъ про младшаго своего сына!—У него есть двѣ дочери, но ни одну, кажется, не зовутъ Кларой!—Впрочемъ всякой плутъ можетъ назваться Лонгвилемъ.—Но торговый домъ Брюмера, Шилькена и Комп., кажется, совсѣмъ почти разорился опъ спекуляцій съ Мексикой или съ Ост-Индіей. Надобно обо всемъ развѣдать...

—Ты разсуждаешь одинъ, какъ на шаепрѣ, и,

кажется, считаешь меня нулемъ, прерываешь его морякъ. Развѣ ты не знаешь, что если только онъ дворянинъ, то у меня въ запасѣ не одинъ мѣшокъ, чтобъ пополнить въ немъ недостаюкъ богачкина.

—Что до этого касается, сказала Графиня де Фонсенъ, качая головою, то Лонгвиль, декупабль, до революціи былъ прокуроромъ и чашница де принявая имъ по воззпановленіи сполько же принадлежишь ему, какъ большая половина его состоянія.

—Ба! ба! . воскликнулъ весело морякъ: счастливы шѣ, коихъ ошцы были новѣшены! . .

Дня три или четыре послѣ того, въ одно прекрасное Ноябрьское утро, когда первые морозы заставляющъ вымешать мгновенно Парижскіе бульвары, Эмилія, нарядившись въ новую шубу, которую хопѣла ввести въ моду, выѣхала прогуляться съ одной изъ сестеръ и Баронессой де Фонсенъ, которая бывало больше всѣхъ подвергалась ся насмѣшкѣ.

Прогулка сія была не сполько слѣдствіемъ неперитѣнія показавъ щегольской экипажъ и плашья, которыя должны были дать направленіе зимнимъ модамъ, сколько желанія пошопрышь въ богатомъ магазинѣ, находящемся въ улицѣ Мира, удивительную пелеринку, кося щегольской и необыкновенной построй

замѣченъ былъ одной изъ ихъ приятельницъ.

Когда онѣ вошли въ лавку, г-жа Баронесса де Фоншенъ дернула Эмилию за платье и глазами показала ей Г. Максимилиана Лонгвиля, который сидѣлъ за прилавкомъ и со всею кучею печескою прелестно разчищывался со швей, съ кою по видимому имѣлъ совѣщаніе, ибо въ рукахъ у него находилось нѣсколько образчиковъ, не осмѣлявшихъ ни какого сомнѣнія на счетъ почешнаго ремесла, имъ исправляемаго.

Эмилия поблѣднѣла и смертный холодъ пробѣжалъ по всемъ ея жиламъ: по нику не могъ того замѣшить. Благодаря умѣнию жить въ большомъ свѣтѣ, она скрываетъ свое бѣшенство, и обратясь къ сестрѣ, сказала только: я это знаю!.. Слова сіи были произнесены съ такимъ неподражаемымъ выраженіемъ, съ такимъ богатствомъ звуковъ, которые возбуждали бы зависть въ самой дѣвицѣ Марсь.

Она подошла къ прилавку. Максимилианъ поднималъ голову, съ величайшимъ хладнокровіемъ положилъ образчики въ боковой карманъ, поклонился Эмили и приблизился къ ней, бросивъ на нее пронизательный взглядъ.

—Я пришлю кого нибудь, чтобъ окончить эшошъ счетъ, сказалъ онъ швей, которая слѣдовала за нимъ въ сильномъ безнокопействѣ.
—Но вопъ вамъ—шеннулъ онъ на ухо мо-

лодой женщинѣ, отдавая ей билетъ въ тысячу франковъ — возьмите. Это оспаненся между нами.

— Надѣюсь, сударыня, что вы извините меня, сказалъ онъ, потомъ обращаясь къ Эмили. Дѣла пребываютъ пиранской точности...

— Это для меня все равно любезный! «... оп-вѣчала Эмилиа, посмотривъ на него съ видомъ равнодушія и насмѣшливой безпечности, которыя могли заславить подумашъ, что она его только въ первый разъ видитъ.

— Вы не шутите? спросилъ Максимилианъ смущеннымъ голосомъ.

Эмилиа съ удивительною дерзостью обернулась къ нему спиною. Эти не многія слова произнесены были такъ тихо, что ускользнули отъ любопытства сестеръ надменной красавицы. Пелеринка была потчасъ куплена и Эмилиа бросилась вонъ немедленно.

Когда онъ всѣ усьлился въ щегольской коляскѣ, то Эмилиа, которая сидѣла впереди, невольно бросила послѣдній взглядъ во глубину ненависпаго магазина и увидѣла Максимилиана блѣднаго, неподвижнаго. Сложивъ руки накрестъ, онъ стоялъ въ положеніи чловѣка, который выше несчастія, споль внезапно его поразившаго. Взоры ихъ встрѣпились и подобно двумъ молніямъ поразили другъ друга пламенемъ непримиримой суровости. Каждый

изъ нихъ надѣялся уязвить сердце, столь нѣжно любимое, и одно мгновеніе такъ раздѣлило эти два существа, какъ будто бы одно изъ нихъ было въ Кишаѣ, другое въ Гренландіи.

Дыханіе шщеславія изсушаетъ все, до чего ни прикасается, а въ эту минуточку Эмилиа жила въ его холодной атмосферѣ: будучи добычею жестокой борьбы, она поживала теперь обильную жажду горестей, какая только была когда либо посѣяна предразсудками и мѣлочными разсудками въ душѣ человѣческой. Лице ея, до того свѣжее и румяное, вдругъ облилось желтизною, покрылось красными пятнами; бѣлизна щекъ по временамъ омрачалась какими-то зеленоватыми оппѣнками. Въ надеждѣ скрыть отъ сестеръ свое смущеніе, она смѣясь указывала имъ на проходящихъ, на наряды, на смѣшные предметы; но это было судорожный смѣхъ, и она внутренно была болѣе оскорблена молчаливымъ сопраданиемъ великодушныхъ подруговъ своихъ, нежели эпиграммами, которыми бы шѣ могли оппешить ей. Она упошребляла все средство, чинобъ завлечь сестеръ въ разговоръ, котораго бы могъ служить ей оружіемъ противъ нихъ, и изливала гнѣвъ свой въ бессмысленныхъ проливорѣчійхъ. Она осыпала шорговлю и купцевъ самыми язвительными насмѣш-

ками и эпиграммами, коихъ неприличія поспыдилась бы во всякое другое время.

Прійхавши домой, она легла въ постель и зинемогла горячкою, которая сначала казалась нѣсколько опасною; но по прошествіи недѣли попеченія родшвейниковъ и докшора возвратили ей здоровье. Всѣ надѣялись, что эпюшъ урокъ смиритъ характеръ Эмили; но она нечуждеизвипельно возвратилась къ прежнимъ своимъ привычкамъ и черезъ двѣ недѣли изъявила уже желаніе снова пусшипься въ большой свѣтъ.

Она говорила, что ошибиться вовсе не спыдно, что еслибъ она, подобно опцу, имѣла какое нибудь вліяніе въ Палашѣ, то предложила бы закощъ, по которому всемъ купцамъ, особенно шѣмъ, кои торгующъ полошнами, надлежало бы до шрепьяго поколѣнія клеймищъ лбы, какъ Беррійскимъ баранамъ, или, однимъ бы дворянамъ предоставлено было право носить спаринные Французскіе кафшаны придворныхъ Людовика XV; что наконецъ даже весьма опасно для монархш, если нѣшъ различія между купцемъ и Перомъ Франціи; штысячи другихъ насмѣшекъ быстро слѣдовали одна за другою, какъ скоро нечаянный случай обращалъ разговоръ на эпюшъ предметъ.

Но штѣ, кошорые любили Эмилию, замѣчали,

что сии насмѣшки носили на себѣ печать задумчивости, которая заставляла ихъ думать, что Максимилианъ все еще царствуетъ во глубинѣ неисповѣдимаго ея сердца. Она иногда спановилась шиха, какъ въ тѣ быспропечные дни, когда родилась первая любовь ея; иногда же была несноснѣе, чѣмъ когда нибудь. Всякой безмолвно извицалъ ему перемѣнчивость характера, источникомъ коей было шайное и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное всемъ спраданіе. Графу Кергаруэ удалось посредствомъ новыхъ щедростей получить нѣкоторое вліяніе на племянницу. Такого рода ушпшенія рѣдко не имѣютъ дѣйствія на молодыхъ Парижанокъ.

Эмилія въ первый разъ послѣ болѣзни явилась на балѣ Неаполитанскаго Посланника. Въ эту минушу, какъ она оспановилась въ одной изъ самыхъ блестящихъ кадрили, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣла она Г. Донгвиля; онъ слегка кивнулъ головой молодому человѣку, съ которымъ она танцовала.

— Эшо вѣрно одинъ изъ вашихъ пріятелей, спросила она своего кавалера съ видомъ презрѣнія.

— Надѣюсь, отвѣчалъ онъ, эшо родной братъ мой.

Эмилія зашрепечала.

— О! еслибъ вы знали его!.. продолжалъ шопть съ вощоргомъ. Во всей вселенной нѣтъ такой прекрасной души. . . .

—»Знаете ли вы, кпо я? «прервала его съ живоспію Эмлія.

—Нѣтъ, сударыня. Чувствую, сколь тяжело преступленіе, не запомнишь имени, которое на всѣхъ успахъ, во всѣхъ сердцахъ, хотѣлъ я сказать. Впрочемъ у меня есть на по оправданіе. Я только что пріѣхалъ изъ Германіи. Посланникъ мой, который пенерь здѣсь въ отпуску, прислалъ меня сюда, чпобъ служилъ проводникомъ любезной его супругѣ, которую вы можете видѣть тамъ въ углу.

—»Эта прагическая маска?« сказала Эмлія, посмопрѣвъ на жену Посланника.

—Къ сожалѣнію, собственное ея лице,— отвѣчалъ, смѣясь, молодой человекъ. Мнѣ однакожъ непременно надобно будетъ съ нею танцовать, и попому я хотѣлъ пенерь вознаградишь себя за ожидающую меня скуку.

Эмлія отблагодарила его наклоненіемъ головы.

—Я очень удивился, продолжалъ болпливый Секретарь Посольства, нашедши здѣсь брапа. По пріѣздѣ моемъ изъ Вѣны, я узналъ, что онъ боленъ и лежитъ въ постели. Я надѣялся увидѣться съ нимъ прежде, но полиника не всегда оставляетъ намъ время на семейныя отношенія. И дѣйствительно la dona della casa не позволила мнѣ даже повидаться съ Максимиліаномъ.

—»Братецъ вашъ не въ дипломатической службѣ?« спросила Эмлія.

—Къ сожалѣнію, нѣтъ!

Въпренный Секретарь вздохнулъ и продолжалъ:

—Онъ пожертвовалъ собою для меня. Максимилианъ и сестра моя Клара добровольно опекались опъ наследства послѣ моего отца, чтобъ доставить мнѣ огромное майоратство!; ибо бабышка бредитъ Перствомъ, какъ и всѣ тѣ, которые подающъ голоса въ пользу министерства. Ему обѣщали, что онъ скоро будетъ Перомъ Франціи—прибавилъ онъ тихимъ голосомъ. Братъ собралъ нѣсколько капитала, принялъ участіе въ торговлѣ одного банкира, и счастливый успѣхъ увѣнчалъ его предпріятіе! Я знаю, онъ недавно сдѣлалъ въ Бразиліи торговый оборотъ, который можеть принести ему миліоны, и очень радъ, что могу своими дипломатическими связями содѣйствовать его успѣху. Я даже съ нетерпѣніемъ жду Бразильскаго Посольства депешей, которая, можеть быть, нѣсколько обрадующъ его.—Какъ онъ вамъ нравился?

—«Лице вашего бранца не показываешъ чело-вѣка, занятаго денежными оборотами.»

Молодой дипломатъ бросилъ испытующій взглядъ на спокойное по наружности лице своей панцовщицы.

— Какъ! сказалъ онъ съ улыбкою, не уже ли и дѣвицы могутъ опгадывать спрданія любви на безмолвномъ челѣ?

— Братецъ вашъ влюбленъ? «... спросила она съ невольнымъ любопытствомъ.

— Да! сестра Клара писала мнѣ, что онъ нынѣшнее лѣто влюбился въ одну прелестную молодую дѣвушку; но съ тѣхъ поръ я не получалъ никакихъ извѣстій о его похожденияхъ. Вообразите себѣ, что онъ всѣвалъ въ пять часовъ утра и исправлялъ свои дѣла, чтобы посѣтить къ чепыремъ часамъ на дачу своей красавицы: этими прогулками онъ испортилъ отличной породы лошадь, которую я прислалъ ему въ подарокъ. Извините мою болтливостъ, сударыня: но я пріѣхалъ изъ Германіи, и цѣлый годъ не слыхалъ, какъ правильно говорятъ по Французски; я жажду видѣть Французскія лица и скучаю Нѣмецкими такъ, что въ патристическомъ изступленіи гошповъ, кажется, разговариваю съ химерами на канделабрахъ, лишь бы только онъ сдѣланы были во Франціи. Пришлите же если я говорю съ опроверженностью, несвойственнаго дипломату, по этому виною вы сами, сударыня; не вы ли показали мнѣ моего брата?.. Когда дѣло идетъ объ немъ, то я не могу наговориться. О! я бы желалъ, чтобы вся вселенная узнала, какъ онъ добръ и великодушенъ. Онъ опказался въ мою пользу опыта двадцати тысячъ ливровъ годоватаго дохода, получаемата съ Лонгвильскаго помѣстья.

Если Эмилиі удалось сдѣлать спѣшь важныя опскрѣпїя, то она опчаспї была обя-зана ими хипроспїи, съ кошорой умѣла рас-проспїи довѣрчиваго своего кавалера, какъ скоро узнала, что онъ брашь презрѣннаго еіо любовника. Эшошь разговоръ былъ нѣсколь-ко разъ прерываемъ и касался шакого мпожесшва предмешовъ, что бесполезно былобъ сообцашь его.

— И вы могли хладнокровно видѣть, какъ брапецъ вашъ продаешъ кпсею и полотно? спросила Эмилиа, окончивъ претшьо фигуру конспр-данса.

— Опкуда вы это знаете? . . . спросилъ дипломашъ. Я слава Богу, при всей своей болш-ливости, знаю искусство говорпть шоль-ко то, что хочу, какъ и всѣ пѣ, которые гоповящя въ Посланники.

— Увѣряю васъ, что вы сами мнѣ про это ска-зали. « Г. Лонгвиль посмошрѣлъ на Эмилию съ удивленїемъ и проницательностїю. Подозрѣнїе родилось въ душѣ его. Онъ поперемятно распра-шивалъ глаза брапа и Эмилиі. Попомъ, опгадавъ всю пайну, поширь себѣ руки, успремилъ глаза въ пополокъ и сказалъ, смѣючисъ :

— Я дуракъ! . . . на балѣ нѣтъ никого васъ прекраснѣе, брашь украдкою смопришь на васъ, и шапцуетъ, не смопря на лихорадку; а вы показываеше, что его не видише. . . Со-

спавлѣе его счастіе, сказалъ онъ отвѣдя ее къ старому дядѣ; я не стану ему завидовать, хѣдя обѣими руками буду держашь свое сердце, называя васъ сестрою. . .

Но любовники должны были остаться равно другъ къ другу неумолимы.

Около двухъ часовъ утира подали ужинъ въ огромной галереѣ, гдѣ столы были расположены, какъ у рестораторовъ, такъ чпо госпямъ одного и того же разбора предоспавлена была полная свобода соединяться въ кружокъ по произволу.

Эмилиа случайно съла недалеко отъ стола, вокругъ коего помѣспились знашнѣйшіе посьпиптели; въ числѣ ихъ былъ и Максимилианъ. Она со вниманіемъ замѣчала то, что около ней говорили, и слышала одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, копорые нерѣдко начинаются между придашнлѣшними женщинами и молодыми людьми, одаренными ловкостью и наружностью Г. Лонгвиля. Собесѣдница молодого банкира была Неаполишанская Герцогиня, копорой глаза сверкали, какъ молнія, а цвѣпъ лица имѣлъ яркость апласа.

Короткость, копорую Г. Лонгвиль умышленно показывалъ въ обращеніи съ нею, шѣтъ болѣе оскорбила дѣвицу де Фоншень, что она теперь чувствовала къ нему несравненно болѣе нѣжности, чѣмъ когда нибудь.

—Да, сударь, въ моемъ опечесивѣ истинная любовь готова на всё пожертвованія, сказала съ жеманствомъ Герцогиня.

—Спало бышь, вы гораздо пламеннѣе Французенокъ! отвѣчалъ Максимилианъ, косто горящій взглядъ успремился на Эмилию.

—»О! сударь!« возразила съ живоспью дѣвица де Фонпень: »очень душно злословишь пакъ свое опечесиво. Самоопверженіе суцеепвуешь во всѣхъ странахъ вселенной.«

—Думаете ли вы, сударыня — прервала Испаліанка съ насмѣшливой улыбкой—чтобъ Парижанка рѣшилась всюду слѣдовать за тѣмъ, котораго любишь?

—»Да мы не понимаемъ другъ друга! Можно рѣшиться жить въ степи подъ навѣсомъ шапра, но състь за прилавокъ«..

Эмилиа окончила эту мысль съ движеніемъ невольнаго опвращенія.

Такимъ образомъ вліяніе пагубнаго воспипанія два раза убилло ея раждающееся счастье и отправило все ея существованіе. Наружная холодность Максимилиана и улыбка женщины вынудили у ней одну изъ самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ—удовольствіе, въ кономъ она никогда себѣ не опказывала.

—Сударыня—сказаль ей тихо Максимилианъ, пользуясь шумомъ, копорой произвели дамы, вспавая изъ за стола—никто болѣе меня не

желаснѣ вамъ счастья. Позвольте мнѣ въ помѣ увѣрить васъ, прощаясь съ вами; черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Испанію.

—» Вѣроятно съ какой нибудь Герцогиней?«

— Нѣтъ, сударыня! но, можнѣ бытъ — съ смертельнымъ недугомъ.

—» Не бредъ ли это?« спросила Эмилиа, по-смотря на него съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, опивчалъ онъ, естѣ раны, копорья невозможно залѣчить. . . .

»Вы не поѣдете! . . .« сказала съ улыбкою своенравная красавица.

—» Буду, опивчалъ съ важностью Максимилианъ.

—» По возвращеніи своемъ вы найдете меня за мужемъ . . . Заранѣе предупреждаю васъ« сказала она съ кокетствомъ.

—» Этого я опъ всей души желаю.

—» Дерзкій!« подумала она: »довольно жѣ жестоко онъ опмщаетъ мнѣ« . . .

Черезъ двѣ недѣли, Максимилианъ Лонгвиль, дважды милліонеръ, опправился съ сестрою своею Кларою въ шепалья и поэтническія sprawy прекрасной Испаніи, оставивъ Эмилию жерпивою жеспочайшихъ сипраданій. Раздѣляя неприязнь своего брата, молодой вѣтреный Секретарь Посольства жестоко опмстилъ Эмилию за ея презрѣніе: онъ разгласилъ вездѣ причины ссоры двухъ любовниковъ и щедро осыпалъ преж-

ного свою панцовщицу язвительными насмѣшками. Не одно Превосходительство заслуживилъ онъ улыбуясь, описывалъ прекрасную непріятельницу прилавковъ, амазонку, проповѣдывавшую крестовый походъ противъ банкировъ, дѣвушку, кою любовью не успѣла противъ аршина кисей. Это былъ бѣглый огонь ракетъ и шупинхъ. И потому Графъ де Фонтеень долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы доставить Г. Августу Лонгвилю мѣсто при Французскомъ Посольствѣ въ Россіи, и тѣмъ избавить дочь отъ насмѣшливости молодаго ея гонителя. Скоро министерство принуждено было сдѣлать новый наборъ Перовъ для поддержанія аристократическихъ мнѣній, копорыя поколебалъ въ благородной камерѣ могущественный голосъ одного знамениаго писателя. Г. Лонгвиль наименованъ былъ Перомъ Франціи и Виконтомъ. Графъ де Фонтеень также получилъ Перство—награду, копорую онъ вполне заслужилъ своею вѣрностью и историческимъ именемъ, копорого недоставало наследственной камерѣ.

Тогда Эмилиа, достигнувъ двадцати двухъ лѣтъ, начала не на шутку размышлять о жизни. Она нечувствительно перемѣнила тонъ и обращеніе. Въспомо того, чтобы ссориться съ дядей, она съ заботливостью ухаживала за нимъ; подавала ему костьль съ такой вѣжностью, копорая забавляла насмѣшниковъ;

ходила съ нимъ подъ руку, ѣздила въ его каретѣ и сопровождала его во всѣхъ прогулкахъ. Она даже увѣрила его, что запахъ табаку ее не беспокоитъ, и читала ему любимую его Французкую Газету среди облаковъ дыма, копорые лукавый морякъ съ умысломъ пускалъ въ нее. Она выучилась играть въ пикетъ, чтобы по вечерамъ занимать ея граго Графа. Наконецъ эта прихотливая красавица съ удивительнымъ вниманіемъ слушала рассказы, копорые для ея періодически начиналъ или о подвигахъ Прекрасной Курицы или о маневрахъ Города Парижа или о первой экспедиціи Г. Сюффрена или о сраженіи при Абукиръ.

Хотя старый морякъ прежде часно говаривалъ, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ свою долготу и широту, чтобы сдаться молодой корветкѣ; но не смотря на то въ Парижскихъ гостинныхъ узнали однажды, что дѣвица де Фоншень вышла замужъ за Графа Кергаруэ. Молодая Графиня давала блистательные праздники, чтобы оглушить себя; но она въроянно нашла ничтожество среди этого вихря, кошо шумные призраки несовершенно скрывалипустоту и горестъ сираждающей души ея; ибо пребрасное лице ея почти всегда выражало кроткую задумчивость. Эмилія съ нѣжностью и почтениемъ обходилась съ старымъ мужемъ своимъ, копорый, уходя вечеромъ въ свою ком-

нату, при звукѣ веселаго оркестра, говаривалъ, смѣючись, спарымъ своимъ товарищамъ, что болѣе не узнаете себя и что никогда не думалъ, въ семьдесятъ пять лѣтъ, рѣшиться въ качествѣ кормчаго предпринять путешествіе на Прекрасной Эмиліи. Поведеніе Графини запечатлѣно было такою строгоспью нравовъ, что самое дальновидное злорѣчіе не могло ничего порицать въ ней. Полагали, что контр-адмиралъ предоставилъ себѣ право располагать своимъ богатствомъ, для того чтобы болѣе привязать къ себѣ жену; но это предположеніе было оскорбительно какъ для дяди такъ и для племянницы. Даже отношенія двухъ супруговъ были такъ хорошо разчислены, что самымъ лукавымъ наблюдателямъ не возможно было отгадать, былъ ли старшій Графъ опцемъ, или любовникомъ жены своей. Онъ часто говаривалъ, что выпатилъ племянницу послѣ кораблекрушенія и что онъ въ прежнія времена на кораблѣ своемъ никогда не нарушалъ законовъ госпсиріимства, когда ему удавалось спасти отъ ярости волнъ даже нечтіятеля. Между тѣмъ Графиня Кергаруэ мало помалу заключилась въ неизвѣспіомъ, коей сама, казалось, желала; и Парижъ пересталъ ею заниматься.

Года два спустя послѣ своего замужства явилась она блистательнѣе, нежели когда нибудь, въ древнихъ госпдиныхъ Сеп-Жерменскаго

предмѣспья, гдѣ характеръ ея, достойный старинныхъ временъ, возбуждалъ всеобщее удивленіе, какъ вдругъ слуга громкимъ голосомъ доложилъ о прѣздѣ Г. Виконта де Лонгвиля. Графиня въ эту минушу по счастію сидѣла въ углу гостиной и играла въ пикетъ съ Епископомъ Персепольскимъ; почему смущеніе ея не было никѣмъ замѣчено.

Обернувшись назадъ, она увидѣла Максимилиана во всемъ блескѣ молодости. Смерть отца и брата, которыхъ не могъ перевести С. Петербургскаго климата, доставили ему наследственное достоинство Пера Франціи. Огромное его богатство равнялось познаніямъ и достоинствамъ. Еще наканунѣ пламенное его краснорѣчіе просвѣпило законодательную мудрость Палаты. Въ эту минуту онъ явился Эмилиі, какъ ангелъ свѣта: онъ былъ свободенъ и съ избыткомъ надѣленъ всеми совершенствами, которыхъ злополучная Графиня нѣкогда предполагала въ своемъ идеалѣ. Виконтъ де Лонгвиль былъ украшеніемъ общества и предметомъ заботливости всѣхъ мажорей, у которыхъ были дочери невѣсты. Онъ дѣйствительно былъ одаренъ всеми качествами, которыхъ можно было предполагать въ немъ съ перваго взгляда; а Эмилия лучше другихъ знала, имѣлъ ли онъ ту твердоснѣ характеръ, которая въ мужѣ служила залогомъ счастія жены.

Обратившись тогда къ адмиралу, копорый, говоря собственнымъ его выраженіемъ, по видимому, долженъ былъ еще долго держаться на своемъ корабль, Эмилія бросила на стѣду его голову взглядъ, исполненный горесипной преданности судьбѣ. Она въ одно мгновеніе обняла всѣ заблужденія своей юности, вздохнула и прошептала проклятіе полонцамъ, между тѣмъ какъ Его Преосвященство въ ту самую минуту сказалъ ей съ пастырскою любезностью:

— Сударыня, вы сбросили *сердцеваго короля* (roi de coeur), и я выигралъ; но не жалѣйте объ вашихъ деньгахъ: я опдамъ ихъ маленькимъ моимъ семинаристамъ!..

съ франц. Н. П—ъ

IV.

Ж Е Н Ц И Н Ъ .

Ты асмодей иль божество!
 Не раздражай души поэта!
 Какъ безошвзная комета,
 Такъ ввечашльніе его:
 Оно пройдешь и возвращеши,
 Книжаломъ огненнымъ блеснешь,
 Въ палящихъ искрахъ раздробиши,
 Тебя осыплетъ и сожжетъ.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

V.

НАПОЛЕОНЪ

ИЛИ

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ФРАНЦІИ.

(продолженіе).

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дрезденъ. Королевской Дворецъ.

Наполеонъ (Бертье, который пишетъ съ его словъ). Армія, прибывъ къ Нѣмцу, разположившя слѣдующимъ образомъ: на правомъ крылѣ, слѣдуя изъ Галиціи на Дрогичинъ, Князь Шварценбергъ съ тридцатью чепырьмя тысячами Австрійцевъ; на лѣвомъ по направленію опъ Варшавы къ Бѣлоспоку и Гродно, Король Веспфальскій и семдесятъ девять тысячъ двѣсти Веспфальцевъ, Саксонцевъ и Поляковъ; Принцъ Евгенийъ присоединился къ нимъ около Маріанполя и Пилоны съ семидесятью девятью тысячами пшпьюспами Баварцевъ, Ипаліянцевъ и Французовъ; за ними, Императоръ съ двумя спами двадцатью тысячами, подъ предводительствомъ Короля Неаполишанскаго, Принца Экмюльскаго, Герцоговъ: Данцигскаго, Испрійскаго, Реджіо, Эльхингенскаго; наконецъ, про-

пивъ Тильзита, Макдональдъ и придцать двѣ тысячи Прусаковъ, Баварцевъ и Поляковъ соспавднть оконечность лѣваго фланга главной арміи. И шакъ, Бертье, сколько теперь человекъ въ движеніи, начиная отъ Гвадалквивира и Калабрійскаго моря до Вислы?

Бертье. Шестьсотъ семнадцать тысячъ.

Наполеонъ. Сколько здѣсь?

Бертье. Четыреста двадцать тысячъ.

Наполеонъ. Сколько коннонныхъ фуръ?

Бертье. Шестъ тысячъ.

Наполеонъ. А провіантскихъ?

Бертье. Одиннадцать тысячъ.

Наполеонъ. Сколько орудій?

Бертье. Тринадцать тысячъ семдесятъ два.

Наполеонъ. Хорошо!

Бертье. И Ваше Величество полагаеиесь на шестдссятъ тысячъ Австрійцевъ, Прусаковъ и Испанцевъ, находящихся въ арміи?

Наполеонъ. Конечно.

Бертье. Ваше Величество не опасаетесь что они вспомнятъ Ваграмъ, Іену, Мадрипъ?

Наполеонъ. Не вспомнятъ, куда буду побѣдипелемъ. Надобно пользоваться побѣдами для завоеваній; припомъ же кампанія не долго продолжился: это политическая война; въ

Россіи я нападаю на Англичанъ ; послѣ оподхнеть Евроиа ; но будетъ пятый актъ , развязка?—Помѣнь , что указы даны мною здѣсь , въ Дрезденъ , и опиравь копию въ Парижскіе Журналы. Ты возвраишься съ Коленкуромъ , Мюрашомъ , Неемъ и прочими нашими Маршалами.

Бертъ. Угодно ли Вашему Величеству принять сегодня упромъ Королей Виршембергскаго , Веспфальскаго и другихъ , желающихъ имѣть счастье представиться Вашему Величеству?

Наполеонъ. Послѣ : я ожидаю теперь Тальму.—Пригласи ихъ на вечеръ , къ спектаклю : я опправляюсь вмѣстѣ съ ними.—Иди!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Полиц. Чинов. Г. Тальма.

Наполеонъ. Пусишь войдеиъ. (Тальма входитъ , чиновникъ удаляется). Ты что-то опаздываешь , Тальма!

Тальма. Не моя вина , Государь ; взошедши во дворець , я попалъ въ полпу Царей , и едва могъ сквозь ней продраться.

Наполеонъ. Когда ты прибылъ?

Тальма. Вчера вечеромъ , Государь.

Наполеонъ. Можеть быть , ты усталъ и не можешь играшь сегодня?

Тальма. Могу, Государь.

Наполеонъ. Не забудь, что все твои зрители будутъ коронованныя головы!—А что на Французскомъ Театрѣ?

Тальма. Ссоры.

Наполеонъ. Вѣчно! — Да у кого жь?

Тальма. У артистовъ, за роли, за ампула.

Наполеонъ. Въ Москвѣ все это устрой. Мнѣ больше хлопотъ съ вашей республикой Ришельевской Улицы, чѣмъ съ моими пятью или шестью Королевскими.

Тальма. Когожъ я буду играть? — Магомета?

Наполеонъ. Нѣтъ, нѣтъ, они почтутъ это намекомъ: припомъ же, съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ Египетъ, еще болѣе чѣмъ прежде нахожу несообразностей въ Волперѣ.

Тальма. Однакожъ я былъ свидѣтелемъ, какъ Ваше Величество хвалили Эдипа.

Наполеонъ. Вѣра древнихъ въ непреклонность рока его поддерживаешь. Вообще театръ Вольпера не что иное, какъ система, коей 93й годъ былъ послѣднею пѣсью. Но, Тальма, можешь ли ты объяснить въ немъ эту разительную смѣсь ненависти къ государямъ и преувеличенныхъ похвалъ Людовику XIV?.. Что былъ сей послѣдній? Театральный Король, искусно умѣвшій выказываться на сценѣ власни

не болѣе! . . . Король, которъй далъ Буало шестъ тысячъ годового жалованья и допустилъ Корнеля умереть съ голоду. . . Корнеля, котораго я бы сдѣлалъ Миниспромъ, еслибы онъ жилъ въ мое время!

Тальма. Вижу, что сегодня придется мнѣ играть въ Корнелевой трагедіи.

Наполеонъ. Да—онъ всегда великъ, не уклоняясь отъ истины. Онъ возвышаетъ своихъ героев. . . Не заставляетъ ихъ нагибаться, чтобы провести по пыльнымъ Версальскимъ лѣсницамъ. Греки его — Греки, Римляне — Римляне . . . Они съ обнаженными руками и ногами, а не въ придворной ливреѣ Людовика XIV.

Тальма. Ваше Величество очень строго судите.

Наполеонъ. Не люблю новѣйшей вашей словесности, Тальма! — Она опдалается отъ двухъ великихъ образцовъ своихъ, Корнеля и Мольера, съ такимъ же тщаніемъ, съ какимъ Греки старались приблизиться къ Эсхилу и Аристофану. Легуве и Дюбеллуа покушались было основать у насъ народную липерашуру; но, подобно людямъ, которые, будучи приспавлены къ памятникамъ среднихъ вѣковъ, подбѣливаютъ мѣломъ древнія спашуи, изваянные на спаринныхъ гробницахъ—Дюбеллуа ря-

диптъ шупомъ Баярда, а Легуве подскабливаетъ Генриха IVго. — Если подражаетъ Грекамъ, то подражаетъ въ предметахъ собственно Греческихъ и придерживается ихъ возвышенной прѣспопы. — Возьмите въ примѣръ Агамемнона Лемерсье. . . — Когда нибудь, Тальма, надо жь заговорить еспесивенно. . . — Положимъ, что со временемъ меня самого выведутъ на сцену — меня! — Буду ли я похожъ на себя, если заставлятъ меня говорить громкіе монологи, жеспикюлировать. . . меня, челоуѣка проспаго, копорый краснорѣчивъ только припадками и управляю вселенною, сложа руки.

Тальма. Ваше Величество, полагаю, замѣнили уже, что мы одинаковыхъ мыслей объ этомъ предметѣ.

Наполеонъ. Да, да—ты всегда проспъ и еспесивенъ. За по не скоро и поняли шебя!—Тальма, ты возьмешь роль Августа; и я желалъ бы, чтобы Александръ могъ сегодня слышать, какъ ты скажешь: »будемъ друзьями, Цинна.« — Прощай; вошъ Коленкуръ; я его шребовалъ.

Тальма. Проспите, Ваше Величество.

Наполеонъ. Кспапи—говорятъ, будто ты учишь меня, какъ держать себя на проиѣ; опъ того-то я хорошо и держусь на немъ!—До

вечера. (обернувшись). Я не доволенъ вами, Коленкуръ.

Коленкуръ. (входя). Чѣмъ заслужилъ я негодование Вашего Величества?

Наполеонъ. Вы явно не одобряете Русской кампаніи.

Коленкуръ. Точно такъ, Государь.

Наполеонъ. Какія жъ, ваши причины? Говорите: вы знаете, что я люблю опкровенность.

Коленкуръ. До сихъ поръ, Государь, мы сражались съ людьми, и вы побѣждали. Но Россія! Въ ней кампанія возможна только съ Іюня до Октябрия: во всякое другое время, армія должна неминуемо погибнуть въ пустыняхъ грязи и льдовъ, безъ всякой славы. Липва похожа на Азію гораздо болѣе, нежели Испанія на Африку. И такъ уже Французы не узнаютъ другъ друга посреди безпредѣльнаго своего опчества!.. Не лзя не ослабить, разширять до такой степени!.. Это значитъ перепать Францію въ Европу: потому что когда вся Европа сдѣлается Франціей, не будетъ уже собственно Франціи... Самое опбытіе Вашего Величества опспавляетъ се пустынною, сиропспивующею, безъ главы и войска. . . Кто будетъ защищать ее?

Наполеонъ. Моя слава. Оспавляю ей мое имя и спрахъ, внушаемый вооруженной націей.

Коленкуръ. Такъ предполагаю и я въ случаѣ успѣха; но если Ваше Величество принуждены будете опспупити, на что тогда обопренесь? Уже ли на Пруссію, пожираемую нами въ продолженіе пяти лѣтъ, дружелюбную намъ припворно или по необходимости? . .

Наполеонъ. Я увѣренъ въ ея вѣрности именно попому, что лишилъ ея средствъ къ возспанію, даже если и побѣжденъ буду. Развѣ ты забылъ, что у меня въ рукахъ ея гражданское и военное управленіе? Сверхъ того, не могли ли я положишься на семь Королей, обязанныхъ мнѣ своимъ саномъ? Шестъ браковъ не соединяющъ ли узами родства Францію съ Баденскимъ, Баварскимъ и Авспрійскимъ Домами? Не должны ли всѣ Европейскіе Государи, подобно мнѣ, спрашиться воинспвеннаго правительспва Россіи, ея завоевательнаго духа, ея дикаго многолудства, ежегодно увеличивающагося полумилліономъ лудей? Къ чему преднолагать, что различныя партіи, существующія въ нѣдрахъ Имперіи, усилятся въ мое опспупствіе? Я вижу одну только партію, и та соспоишь изъ нѣсколь-

кихъ роялистовъ. Какая жь мнѣ до нихъ нужда? Поддерживая ихъ, я себѣ врежу въ мнѣніи народа; попому что самъ я — что такое? Государь средняго сословія; не родясь на престолю, я долженъ держаться на немъ тѣмъ же средствомъ, которыми возшелъ на него—славой. Часпной человекъ, сдѣлавшійся, какъ я, Монархомъ, не можетъ уже оспановившійся; онъ принужденъ безпрестанно подыматься вверхъ; оспановившись разъ, онъ начинаетъ опускашья. Люди, вознесенные только счастьемъ, недовольны своими Маршалскими жезлами; они рвутся обмѣнить ихъ на скиптры и вѣнцы: семейство мое со всѣхъ споронъ тянетъ меня за Императорскую мантію; каждому дай пронъ или по крайней мѣрѣ герцогство. Послушашъ моихъ братьевъ, шакъ подумаешь, что я промопалъ наслѣдство покойнаго опца. Война, война единственное средство положить предѣлъ ихъ честолюбію, осуществишь ихъ надежды. Уже ли полагаешь, что мнѣ война не наскучила? Одинъ Императоръ Александръ препяспивуетъ доверченію исполнскаго зданія, мной сооружаемаго; онъ молодъ, исполненъ жизни; его силы распугнъ, между тѣмъ какъ мои ослабѣвають. Онъ ждетъ только моей смерти, чтобы овладѣть скиптромъ Европы. Я долженъ предупредить сію опасность, те-

перъ, когда Испалія, Швеція, Пруссія и Авсипрія слѣдующъ за моими орлами, должны упрочить великую Имперію, опбросивъ за берега Борисвена Александра и могущесиво Россіи, уже ослабленное пошерего Польши.

Коленкуръ. Ваше Величество говорише о своей смерпи; если жъ на полѣ бившвы, гдѣ вы подвергаетесь опасности наровнѣ съ послѣднимъ солдапомъ. . . . .

Наполеонъ. Ты боишься, что я буду убишь? Точно также, во время мяшежей, хошъли напугапъ меня Кадудалемъ! Еслибъ ему удалось выспрѣлишь по мнѣ, какъ было назначено, вѣрнобъ онъ убилъ моего адъюшанпа. Когда пробьешъ роковой часъ, тогда я умру точно также опъ лихорадки или опъ паденія съ лошади на охошъ, какъ опъ ядра. — Все предназначено! —

Коленкуръ. Государь. . . . .

Наполеонъ (подводитъ его къ окну). Видишь ли эту звѣзду на небѣ?

Коленкуръ. Нѣшъ, Государь!

Наполеонъ. Посмотри приспальнѣе.

Коленкуръ. Не вижу, Ваше Величество.

Наполеонъ. А я вижу. — Пойдемъ въ залъ; ужъ приемный часъ.

(Входящъ въ залу. Дверь остается разпворена и швейцаръ поочередно возвѣщаетъ о прибывшихъ).

Его Величество Король Саксонскій.

Его Величество Король Виртембергскій.

Его Величество Король Неаполитанскій.

Его Величество Король Баварскій.

Его Величество Король . . .

(По мѣрѣ того, какъ Короли входящъ, Наполеонъ ихъ принимаетъ. Сцена перемѣняется.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Высоты Бородинскія.

Офицеръ (ведя колонну). Спой!

Мюратъ. Жюльенъ, прибери мою лошадь и подай другую. Обмой ей рану на шеѣ водкой съ солью — да принеси мнѣ саблю подлиннѣе эпой. Чѣмъбъ свалишь Русскаго, надо разрубить до пояса.

Второй солдатъ. Счастливъ онъ, что можетъ съ ними перевѣдаться! А мы чешыре-спя миль гнались за ними, и только въ Витебскѣ, да подъ Смоленскомъ удалось поздороваться съ ними.

Мюратъ. Я думаю, друзья, они насъ здѣсь ожидаютъ. Баграціонъ, Барклай и Кутузовъ соединились, и завтра мы будемъ имѣть работу, или я ничего не понимаю. (Бросивъ

перчатку). Тутъ поставишь паланку Имперапора, а здѣсь мою. Вы лягше кругомъ насъ, каждый подлѣ своего ружья, и спите однимъ полько глазомъ.

Слуга. Вошъ сабля, которую Ваше Величество изволили спрашивашь—лошадь гошова.

Мюратъ. Хорошо. Господа, пойдешше со мной прорѣдишь фланги.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Солдашы на Бивакъ.

Второй солдатъ. Экой прыпкой!

Третій солдатъ. Сказываюшъ, онъ хочешъ сдѣлашьяся Королемъ Козаковъ.

Четвертый. Вошъ вздоръ какой! а Неаполитанское-по Королевство?

Первый солдатъ. Далушъ кому нибудь иному. — А ешъ ли чшо перекусить, ребята? (обернувшись). Господа, одолжите огонька. — Каковы хвашы? У нихъ и копелъ кипить на огнѣ!—Ну-ка, брапцы; складывайшесь въ арпелъ, да не шпоронясь. (Солдашы одинъ за другимъ развязываюшъ мѣшочки). Мука, мука, да мука. . . . Чшожъ! Мы соспряпаемъ шри кушанья: кашицу, кашницу, да еще кашницу. . . . — Господи Боже мой! Во Франци, въ Германіи всякой день бывало живишья индѣчкой, курочкой. . . .

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Лотарингецъ (дразнитъ солдата гусемъ подъ носъ).
Каково, братъ!

Первый солдатъ. Славный бы кусокъ для нашей кашицы.

Лотарингецъ (кладеть гуся въ кошель). Берегипесь, брызгипесь! Да дайте мѣспечко у огня—солдапское мѣспечко; даьше вѣдь не пойду; грамапѣ не знаю.—На четверть между колѣнь—воль пакъ!

Первый солдатъ. Да откуда ны взялся? Ты кажеться не изъ капральства?

Лотарингецъ. Да изъ Андалузїи; пошли вамъ Богъ Андалузьянокъ . . . (посылаетъ подѣлуй на воздухъ) . . . Только!—А мужчины въ Испанїи пресмѣшный народъ: ходячая эпанча, да длинная шпага, вопъ и все.

Первый солдатъ. А что они ѣдятъ? Да и ѣдятъ ли полно?

Лотарингецъ. Ёдятъ чеснокъ съ шоколадомъ. . . . Или шоколадъ съ чеснокомъ—право навѣрное не знаю. Чваняпсья благородствомъ, въ карманѣ ни гроша; сухи какъ пруть, черны какъ крошъ, а дымяпсь не хуже прубы—воль вамъ Испанцы.

Первый солдатъ. Хорошъ же народецъ!

Лотарингецъ. А Русскїе каковы? Надожь ознакомипсья съ новыми прїятелями.

Первый солдатъ. Кавалерія, по проспу козаки; соспоишь изъ лошадей, оркановъ, пикъ съ гвоздьми на концахъ и пугаль съ бородами. Чѣмъ пипаеися, не умью сказаць; по шому чшо мы здѣсь не видали еще ни одного образчика съѣспнаго. . . .

Лотарингецъ. А землю пашупь?

Первый солдатъ. Куда? Въ Россіи шакіе бываюиць шуманы, чшо жонь ножемъ рѣжь.

Лотарингецъ. Нужь шумань! да я бываль въ шакихъ краяхъ, гдѣ солдапы имъ смазываютъ сапоги.—Эшо вблизи полюса.

Первый солдатъ. Чшо онъ говоришь? А?

Вторый солдатъ. Не знаю; чшо шо: полюса.

Лотарингецъ. Такъ Испанцы. . . .

Солдатъ. Убирайся съ своими Испанцами!—Прескучный народъ!

Лотарингецъ. Скучный? Да они покошь съ ушра до ночи.

Солдатъ. А чшо?

Лотарингецъ. Да акаѣиспы.

Солдатъ. Спасибо!

Лотарингецъ. Вошь я вамъ сей часъ дамъ поняише о ихъ народномъ пѣнѣ. Эшо исторія одного чесшнаго спарика; слушайте, и под-

хвашывайпе! (барабанщику). Ну-ка пы! (вынимаешь
касманьешы). Да подсвишывай! —

Донъ Санхо умеръ на полу,
Разлегшись на соломя
Смирнехонько въ одномя углу,
Хопь ихъ чепыре въ домъ.
Тра ля ри ля пра ля ри.

Въ Каспили родился онъ
Опъ набожной дъвицы;
Опець его былъ выгнанъ вонъ
За пьянство изъ столицы.
Тра ля ри ля пра ля ри.

Послыша близкй свой конецъ,
Сынка благословляя,
Ему въ наслѣдство далъ опець
Все золошо Кипая.
Тра ля ри ля пра ля ри.

Бывало, въшеръ засвистишь
Въ его исчи холодной—
Гитару въ руки и брещипъ,
Какъ будшо не голодный.
Тра ля ри ля пра ля ри.

А вопъ эшопъ куплепъ поешся, пошуля
голову, со слезами на глазахъ.

Любовницы, для похоронъ,
Все продали до нишки;

Последній чепчикъ заложень
И накладныя . . . . .

(слышеть барабанъ).

Солдатъ. Императоръ!

Встъ (вставъ). Императоръ!

Лотарингецъ. Императоръ? Чортъ побери, цѣлые чепыре года мы не видались ; шо-шо чай оба перемѣнились.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Наполеонъ. Здравствуйше , дѣши , здравствуйше : я хочу провести эту ночь среди васъ. Наконецъ, кажется , Русскіе насъ ожидаютъ.

Первый солдатъ. Чпобъ шолько не отпра- вились ночью, по обыкновенію.

Наполеонъ. Нѣтъ, нѣтъ, Мюрать подъѣз- жаль къ ихъ огнямъ. Будетъ рѣшительное сраженіе, дѣши...какъ при Пирамидахъ, пова- риць; вѣдь ты памъ былъ?

Первый солдатъ. Кажется.

Наполеонъ (другому). Не забывай Аустерлица; подъ нимъ ты получилъ крестъ.

Вторый солдатъ. За шо, что. . . . .

Наполеонъ. Опнялъ знамя. — Всѣмъ ли вы довольны , друзья мои? Печется ли о васъ вашъ Капитанъ? Исправно ли выдаютьъ вамъ жалованье?

Первый солдатъ. Объ жалованьи ни слова; раціонами запоздали.

Наполеонъ. Каковъ шо вашъ сунтъ? (Береть ложку). Хорошъ.

Лотарингецъ. Не удивительно. Я застрѣлилъ пулей гуся, да—дикаго гуся, который ужъ ошпраслялся на югъ—знакъ спужи.

Наполеонъ (въ сторону). Да знакъ спужи! (громко). За шо, дѣши, въ Москвѣ ошогрѣмся и дождемся весны. — Миѣ пить хочешся; не ошнжалось ли воды въ манеркахъ?

Лотарингецъ. Нѣтъ; но идучи сюда, я замѣшилъ ключъ.—Сей часъ. . . . (уходитъ).

Наполеонъ (Принцу Экмюльскому). Даву, знаешели, чшо ихъ ошспупленіе меня пугаешъ? Все выжжено по дорогѣ. Эшо похоже на обдуманый планъ. Можно подумашъ, чшо каждая изъ позицій ихъ заранѣе назначена. Александръ молчитъ. Я не упустилъ ни одного случая предложитъ ему миръ. Вижу, чшо въ Москвѣ шолько могу принудитъ его къ шому—въ прошивномъ случаѣ, перезимуемъ въ ней. . . .

Лотарингецъ (съ окровавленнымъ лицемъ, приносящъ воду). Извольше.

Наполеонъ. Чшо съ шобой?

Лотарингецъ. Ничего. Не замѣшилъ рва и

скапился. — Дѣло въ помѣ, чшобъ принесли скорѣй и короче.

Наполеонъ. Обопри эту кровь, она мѣшаептъ мнѣ видѣшь рубцы своихъ ранъ. (Пѣептъ). Славная вода. . . Тебѣ приспали эти рубцы. — Однако вошъ одинъ новыѣ? Я не помню его.

Лотарингецъ. По милоспи Испанца, Дона Синбора, кошорыѣ изъ за забора послалъ было мнѣ паспортъ на пошъ свѣптъ.

Наполеонъ. Ты, кажепся, граманпъ не знаепшь?

Лотарингецъ. Не знаю, Ваше Величепство!— Но я не спыжусь; виноватпъ опецъ.

Наполеонъ. Для людей крабрыхъ, но неграмашныхъ, какъ ты, я учредилъ званіе орлохранищелей. Они пользуются офицерскимъ чинемъ, охраняюптъ знамя, и вся обязанносшь ихъ въ помѣ, чшобъ его защищатп. Поздравляю тебѣ орлохранищелемъ шесшатаго легиона.

Лотарингецъ. Благодарю, Ваше Величепство.—Эшо мой Маршалъскій жезлъ.

Наполеонъ (уходя съ Даву въ палатку, говоритъ входящепму Мюрату). Ну чшо, Мюратп?

Мюратп. Все епще держашся. Вдолъ Москвы рѣки спрояпся укрьпленіи, и по всему должно предполагатп, чшо завпра мы снова найдемъ ихъ тамъ.

Наполеонъ. И пакъ надобно будетъ дашь артиллерійское сраженіе — тѣмъ лучше!

Мюратъ (Даву). Кспаши объ артиллеріи. Принцъ, для чего одна изъ вашихъ бапарей вчера два раза опказывалась спрѣлять, не смотря на спрогія мои приказанія?

Даву. Для того что я берегу своихъ солдатъ и проливаю кровь ихъ полько въ необходимости.

Мюратъ. Да, вы очень оспорожны.

Даву. А Ваше Величество слишкомъ смѣлы: увидимъ, сколько кавалеріи оспаненся у васъ по окончаніи кампаніи; она вамъ поручена, вы власны располагать ею; чпожь до пѣхошы перваго корпуса, покуда я ея начальствую, шеряль ея даромъ не спану.

Мюратъ. Развѣ вы забыли, что хопя вы и начальствуете пѣхошой, но вашъ начальникъ — я! Вы подчинены мнѣ по волѣ Императора.

Даву. Императоръ неблагоразумно поступилъ въ эпомъ случаѣ.

Мюратъ. Знаю, что съ самага Египта вы съблались оспорожны съ непріятелемъ и нищаспе ко мнѣ вражду; но личныя наши неудовольствія не должны губинь армію; мы можемъ съ вами глазъ на глазъ раздѣлаться.

Даву. Не ужели Ваше Величество унизи-
песь до поединка съ проспымъ Маршаломъ?

Мюратъ. Въдь я дерусь же съ козакомъ!

Наполеонъ (кашая ядро ногой). Переспаньше ,
господа — впередъ будьте согласнѣе — вы
мнѣ оба нужны : Мюратъ по его смѣлоспи ,
а вы, Даву, по вашему благоразумію. — Оп-
дохните немного; не мѣшаетъ приготоовишь-
ся къ завпрашнему дню. (Они уходятъ). Бышь
жеспокому бою! — Но у меня сще восемде-
сятъ тысячъ человекъ : псперяю двадцать
тысячъ, войду съ шестидесятью въ Москву,
тамъ присоединялся ко мнѣ обозные маро-
деры , резервные баталіоны—и я буду силь-
нѣе, нежели былъ до сраженія. Четвер-
тый часъ утра... Всѣ спятъ, одинъ
лишь я не знаю покоя, занятый великой
мыслію, мыслію о войнѣ и изпребленіи!
Спите, дѣшп! Мечтайте о матеряхъ и опе-
чествѣ — завпра тысячи изъ васъ будутъ
лежатъ, но уже на холодной, окровавленной
землѣ! . . . (Минуша молчавіа). Непоспижима судь-
ба моя! Рожденный, какъ они, во мракъ
неизвѣспности, я влеку за собой тысячи
людей. О! бывають мгновенія, когда, остав-
шись одинъ съ самимъ собою, глазъ на глазъ
съ моимъ геніемъ, прешешу, попому что со-
мнѣваюсь!—Что, если шакъ называемая мною
звѣзда моя, не что иное, какъ дерзоспъ; если

геній мой—случай?.. Не страшная ли опвѣли-
сшвенность—жизнь сполькихъ тысячъ людей,
которыя нѣкогда возстануть—кровавые, обе-
зображенные—и воззопіють на меня предъ Бо-
гомъ—Богомъ, которій скажетъ мнѣ: »по ли
пворилъ ты, за чѣмъ Я послалъ тебя на
землю; да обрушатся жъ на главу твою сле-
зы и кровь!.. « О! вѣшь! бышь того не мо-
жетъ!—И что это за народъ, какъ будто
какая по особенная порода людей, ода-
ренная множесшвомъ жизней, коими смѣ-
ло можно раздлагашъ! Тринацать днѣй
предъ симъ, я ринулся съ ними на воспокъ
черезъ Египеть и сокрушилъ ихъ о порогъ
его. — Мы покорили попомъ всю Европу—и
вошь пеперь, мною же предводимые, возвра-
щающся они въ шуже Азію, черезъ сѣверъ,
чтобы снова, можетъ бышь, въ немъ погиб-
нуть!... Кто вовлекъ ихъ въ эту жизнь
кочующую, исполненную опасностей? Они не
варвары, ищущіе лучшаго климата, удобнѣй-
шихъ жилищъ, благодѣшительнѣйшей природы;
напронивъ они имѣли все, и все покинули для
того, чтобъ жить безъ крова, безъ пищи,
чтобъ ежедневно одинъ за другимъ падашь
мершвыми или умирающими на пуши, по ко-
шорому стиремлюся; на пуши, просшираю-
щемся черезъ весь шаръ земной, усѣян-
номъ гробами, ведущемъ къ безсмертію—

или къ ничпожестиву. (бьютъ зорю.) День, уже день! (всѣ встающъ). Чшо, Дюрокъ?

Дюрокъ (съ нѣсколькими Маршалами). Непрiятель сохраняетъ прежнюю позицію.

Наполеонъ. Сразимся же, друзья! эту Аустерлицкое солнце!

Мюратъ. Чшо прикажете, Ваше Величество?

Наполеонъ (окружающимъ его Маршаламъ). Вотъ генеральный планъ — во время сраженiя будете получать отъ меня особенныя приказанiя чрезъ моихъ адъютантовъ. Евгений займетъ центръ. Правый флангъ начнетъ дѣло. Овладевъ, подъ прикрытiемъ лѣва, редутомъ, прошивъ него находящимся, онъ повернется на лѣво, и ударитъ во флангъ Русскимъ, заславля ихъ подаваясь въ право, къ Калугѣ.

Три батареи, каждая изъ шестидесяти орудiй, будутъ поставлены прошивъ Русскихъ редутовъ, двѣ насупротивъ праваго фланга, третья прошивъ ихъ центра. Понятовскiй съ своей армiей пойдетъ старой Смоленской дорогой; вы, для началiя атаки, ожидайте перваго его выстрѣла — то будетъ сигналъ. Идите, господа.

Солдаты! вотъ сраженiе, котораго вы такъ непрерывливо желали. Отъ васъ зависитъ побѣда; она необходима, она доставитъ

намъ изобиліе, покойныя зимнія квартиры и возможность скоро возвратиться въ опеченство. Поспупайше какъ при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ, дабы опдаленнѣйшіе попомки, вспоминая подвиги ваши въ эпошъ день, говорили о каждомъ изъ васъ: »онъ былъ въ великой биншѣ подъ спенами Москвы!»

(сцена перемѣняется).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Кремлевскій Дворецъ.

Наполеонъ (входя съ Маршалами). Москва пуста? Москва безлюдна? почно ли вы въ помъ увѣрены? ступайше, Моршье, постарайтесь сыскашь какихъ нибудь жипелей. Здѣсь все новое: они для насъ, мы для нихъ; можешъ бышь, они и сдашься не умѣюшъ.—Ни пѣни дыма, ни малѣйшаго шума! эпо неподвижность Оивъ, безмолвіе пуспыни! Особливо, Тревизскій, не позволяешъ грабишь! Вы мнѣ жизнью будеше отвѣчать.

Такъ—я въ Москвѣ, въ древней столицѣ Царей, въ спѣнахъ Кремля!.. Давно пора бы.. Гдѣ Мюрашъ?

Маршалъ. Преслѣдуешъ съ конницей Русскій аррьер-гардъ по Владимірской дорогѣ.

Наполеонъ. Люблю Мюрапа! Всегда пылокъ, исполненъ рвенія; шаковъ и здѣсь, какимъ былъ въ Италіи, въ Египтѣ. Шестъ сошь миль и шестнадцашь сраженій его не упомянули. Онъ скачепъ черезъ Москву, не оспановясь въ Кремль, гдѣ—я оспановился.—Какъ вы холодны, господа! . . Знаете ли, гдѣ мы?

Бертъе. Знаемъ, Государь: за шестъ сошь миль опъ Парижа, съ арміей, изъ копторой, послѣ сраженія подъ Москвой, убьлло сорокъ тысячь, безъ одежды, безъ продовольствія.

Наполеонъ. Чпожь? Развѣ мы не въ столицѣ непріятельской? Или Москва, оспавленная према спами тысячь жипелей, пѣсна для моихъ осмидесяти тысячь? Или эпи дворцы, копорые вы между собой дѣлите, уступаютъ въ пышности вашимъ домамъ, въ предмѣстіи Сент-Оноре и на Орсайской набережной? Признаюсь, я самъ люблю мой Лувръ и Тюльери, но на эпу зиму удовольспивуюсь дворцемъ Романовыхъ.

Крикъ на улицѣ. Французъ! Французъ!

Наполеонъ. Слышите ли—Французъ! приведите его ко мнѣ; можете быть, онъ разгадаетъ мнѣ эпу спранныю загадку. Москва пуща! (увидѣвъ шпіона). А! эпо ты?

Шпіонъ. Я, Государь.

ТЕЛЕСК. Ч. V.

Наполеонъ. Откуда?

Шпіонъ. Изъ шюрьмы.

Наполеонъ. Изъ шюрьмы?

Шпіонъ. Меня въ Москвѣ признали за Француза и започили, узнавъ, что Ваше Величество переплы черезъ Немань.

Наполеонъ. Правда ли, что городъ пустъ?

Шпіонъ. Я видѣлъ, какъ оспальныя Русскіе выѣзжали въ Коломенскую заставу.

Наполеонъ. О! Русскіе не знаютъ еще, какое дѣйствіе произведетъ на нихъ потеря ихъ столицы! Вы слышали, господа? Москва наша, совершенно наша; каждый изъ васъ имѣетъ право расположиться въ той части города, которая ему понравится. Только не забывайте, что Москва нашъ Парижъ на эту зиму. Идите и пришлите мнѣ Парижскую работу; съ самаго Смоленска не имѣлъ я времени ею заняться.—Съ сего дня всѣ повелѣнія мои будутъ подписываться изъ Кремля. (Маршалы уходятъ). Чпожъ видѣлъ пы въ эпш Россіи?

Шпіонъ. Народъ грубый и дикій, какъ земля, на которой живетъ.

Наполеонъ. Такъ—и народъ сей пѣтъ опаснѣе, что воля единаго движетъ его огромною массою!—Но удались: вошь полученныя изъ Парижа бумаги и Министръ, съ которымъ я долженъ завязаться. (Герцогъ Бассано входитъ).

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ

Наполеонъ. Загоповили ль вы при поведѣніи, о которыхъ я вамъ говорилъ?

Министръ. Загоповиль, Государь.

Наполеонъ. Посмотримъ. Эпо о чемъ?

Министръ. О заемныхъ банкахъ, существующихъ во Флоренціи.

Наполеонъ. А! запрещеніе брать залоги и обезпеченія, не такъ ли? Прибавьте: Мон-де-Піепе оспается во Флоренціи на прежнемъ основаніи. Всѣ акты, относящіяся къ сему заведенію, избавляюся отъ пошлинъ. Такимъ образомъ можно будетъ за восемь процендовъ ссужать деньгами несчастныхъ, которые теперь разоряюся, плаща пятнадцать и двадцать.— Эпо что?

Министръ. Учрежденіе главной комиссіи для производства работъ и расширенія Гардона.

Наполеонъ. Хорошо. Съ Божіей помощію, надѣюсь, льпъ черезъ десять, Францію во всѣхъ направленіяхъ переставъ будутъ судоходные каналы.— А эпо?

Министръ. Поспановленіе для Французскаго Театра, относительно къ ролямъ артистовъ, пенсіямъ, жалованью Тальмы, проспирающагося до шридцати тысячъ франковъ.

Наполеонъ. Если оспанемся зимовать въ

Москвѣ, я прикажу пріѣхать сюда половиной пруппы къ концу Декабря.—Но что это такое? Дня бытъ еще не можетъ!

Крикъ на улицѣ. Пожаръ! Пожаръ!

Наполеонъ (бросаясь къ окну.) Пожаръ въ Госпиномъ Дворѣ, въ центрѣ города, въ лучшей его часпи. Что за несчастіе! вѣрно какой нибудь пьяный солдакъ!

Мортъе. Государь, Государь, пожаръ!

Наполеонъ. Знаю, вижу опсюда! — Не ошибаюсь, такъ: вонъ, около Дорогомиловской заспавы — и шамъ! — Какъ же это, Герцогъ Тревизскій! Я поручилъ вамъ наблюдать за порядкомъ въ городѣ; на ваши руки опдалъ богашую, спящую Москву — и вопъ со всѣхъ споронъ море огня!

Мортъе. Не знаю, Государь; пламя выходитъ изъ середины домовъ; они зажжены извнутри.

Наполеонъ. Да — зажжены какимъ нибудь грабишелемъ, выжигающимъ золопо изъ парчи... Скорѣе, спѣшите помочь.

Мюратъ (входя). Государь, пожарныя трубы поломаны: Русскіе хопятъ сжечь насъ — они обрапили всю Москву въ адскую машину.

Наполеонъ. Смоприте, какъ разливаешя пламя! И вѣсперъ, видно, въ заговоръ съ ними!

Шпіонъ (входя). Простите, Ваше Величество! Но — все горитъ, пылаешъ!

Наполеонъ. Кто зажигашели?

Шпионъ. Русскіе, мужики.

Наполеонъ. Бышь не можешь!

Шпионъ. Посмотрите, какъ они бѣгаютъ среди этого пылающаго ада.

Наполеонъ. Спрѣляшь по нихъ, бишь ихъ, какъ дикихъ звѣрей!.. Да не ужели городъ эшопъ построень изъ сосны и смолы?

Крикъ за сценой. Пожаръ въ Кремль! Кремль горитъ!

Мюратъ. Удалимся, Ваше Величество!

Наполеонъ. Оспаньшесь, господа! или боитесь, чпобъ эшопъ дворець не обрушился на ваши головы? — Оспаньшесь и слушайте: при заревъ пожара Москвы, зажженной Русскими, клянусь вѣчной войной Россіи! — Они гоняшь насъ изъ одной своей столицы, найдемъ ихъ въ другой! — Оспавьше Москву горѣшь и слунайше меня.

Солдаты (за сценой). Императоръ! Императоръ!

Наполеонъ (у окна). Я здѣсь, дѣши! ничего не бойшесь! Я пекусь о васъ, Богъ печется обо мнѣ! — Пусть горитъ! Если пламя пощадишь что нибудь, изпробляйше угѣльвиное опъ огня. Съ эшого часа, Москва не существуетъ болѣе на каршъ. У Россіи одна только столица С. Пешербургъ — и черезъ двѣнадцать дней — мы памъ!

Всѣ. Въ Петербургъ!

Маршалъ. Обдумали ли вы, Государь? Въ С. Петербургъ? Не возможно!

Наполеонъ. И вы, дѣши войны, рапующіе подъ знаменами счаспія, можете удивляться шакому великому предпріятію? Развѣ не видите, что мы погибнемъ, если опспунимъ? Зима, суровая Русская зима, заспигнетъ насъ на подлупи ко Франціи. . .

Маршалъ. Государь, пожаръ!

Наполеонъ. И чтожь тогда будете дѣлать? Что будете дѣлать мои солдаты, мои дѣши, когда ихъ и ваши руки примерзнутъ къ рукояткамъ саблей и ружейнымъ спволамъ? Когда начнутъ они падать на каждомъ шагу, не имѣя силы подняться? Когда принуждены будутъ решироваться, среди зимы, дорогой, прежде ими опуснощеной? — Сила наша болѣе моральная, чѣмъ вещеспвенная; насъ окружаешъ волшебный свѣтъ. До сихъ поръ мы слыбемъ непобѣдимыми; одинъ шагъ назадъ — и очарованіе рушится! — Вошь Москва, Парижъ, Санктпетербургъ — выбирайте.

Маршалъ. Парижъ!

Наполеонъ. Да, Парижъ! Тамъ ваши великолѣпные дворцы, карешы въ шеспъ лошадей, ночши царскія имѣнія. Парижъ! Да доберешесь ли вы до Парижа, который дѣлаешъ васъ робками, шрусамы, предашелями?

Маршалъ. Государь! пожаръ, пожаръ! ишь възможности долѣе оспаваться.

Наполеонъ (топнувъ ногою). Я оспажоюсь! — И пусть обрушится на меня эптошь дворець, прежде нежели выйду изъ него съ шѣтъ, чпобъ возвратишься во Францію! Въ Санктпетербургъ! — Тамъ миръ, слава, рукошесканія вселенной! — Но вы не хопите! Да погибнесть же исполинское предпріятіе, коему подобнаго никогда еще не рождалось въ умѣ смершнаго! Думая лишить меня одной шолько Москвы, вы всю вселенную изпоргаеше изъ рукъ моихъ. (Раздираешъ карту). Хопите, чпобъ я ошсшупилъ? Хорошо; исполняю ваше желаніе — но да падушъ на васъ въ бѣдспвія эптого гибельнаго ошсшупленія! — Идите, разпоряжайшесь, ошсшавъше меня одного. Ошсшавъше меня, говорю: я хочу шого — приказываю!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Наполеонъ (однѣ). О! эпто цѣлое море огня! — Слабость человѣческая! — Одинъ Богъ въ силахъ дуновеніемъ пошущишь эптошь сшрашный пожаръ! — Наполеонъ! Ты почишаешъ себя свѣше людей, пошому чшо покрылъ пол-земли шапрами и воинами, пошому чшо одно слово швое развѣнчиваешъ владыкъ и низпровергаешъ пресшолы. И вошь споншь шеперь предъ пылающей

Москвой слабый и безсильный! — Съ каждой саженью земли пламя пожираетъ у тебя Имперію. О Наполеонъ, Наполеонъ! . . Испытай свое могущество, вели огню пошухнуть, вели прекрашиться пожару—и если они будутъ повиноваться, ты свыше смертнаго, ты полубогъ!— Опладоу за Москву лучшія мои провинціи—Римъ, Неаполь, Флоренцію, всю мою Испанію. Ее могу вновь завоевать, но Москвы никогда не ворочу!... никогда!...

Шпіонъ (вбѣгаетъ). Ради Бога, Государь, спасайтесь! Кремль подкопанъ! Боже! дѣспницы прещаютъ, двери начинаютъ горѣть. Вы спойте посреди пылающихъ стѣнъ, на пылающей землѣ, подъ пылающимъ небомъ.

Наполеонъ. Москва! Москва!

Шпіонъ (оборотившись къ дверямъ). Ко мнѣ, гренадеры, къ Императору! Сюда, сюда; онъ не хочетъ выдти, а Кремль подкопанъ! . . (Гренадеры входятъ).

Наполеонъ. Солдашы; снимите золотой креслъ съ Ивана Великаго; онъ пригодится для купола Иввалидовъ. (уходитъ).

(сцена перемѣняется).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Лачуга на берегу Березины.

Шпіонъ (входитъ, обросшій бородой, обмерзлой и покрытой снѣгомъ). Лачуга! по крайней мѣрѣ Наполеону

будетъ крыша на эту ночь. Чшо за погода! чшо за край!— Ужасно!— Ахъ, вопшь и огонь—козакн шолько чшо его оспавили; да чъмъ развеспи? (срывая шавень) Такъ! моя епанча заслонитъ Императора оштъ въпра! (Разводитъ огонь, и вѣшаетъ епанчу у окна.)

Молодой Человѣкъ (шацишся къ двери). Огня! Сжалъшесь, помогите.

Шпионъ (взявъ ружье). Прочь, это хижина Императора.

Молодой Человѣкъ. Именемъ Императора закливаю тебя: сжался, сжался! я женщина!

Шпионъ. Женщина!

Женщина. Да, да. Спасешъ ли меня, попому чшо я женщина?

Шпионъ. Поди сюда—опогрѣйся.

Женщина. Нѣтъ ли у тебя чего нибудь?

Шпионъ. Нѣсколько капель водки. (Подаетъ ей оягу). Чшо оспавишь, шо для Императора.— Спасся ли онъ?

Женщина. Спасся—и во время. . . вы не знаете. . . моситъ шапаешся!

Шпионъ. Знаю, знаю. (Солдаты хотяшь войши). Назадъ, эша хижина для Императора!

Солдаты. Идемъ, идемъ.

Женщина. Но опыщешъ ли Императоръ эту лачугу?

Шпионъ (взявъ горящую головню, махаетъ ею надъ дверьми). Императоръ! Императоръ!

Солдаты (въ отдаленіи). Гей!

Солдаты (шпіону). Гей, поваринць, огня! дай намъ огня!

Шпіонъ. Берите. (Солдаты, взявъ огня, удаляются.)

Солдаты (за сценой). Нѣтъ ли дровъ? гдѣбы найши дровъ?

Наполеонъ (изъ дверей). Друзья, разломайте эту хижину, возьмите солому, кошпорой она крыша. Разведите себя огонь, разведите.

Солдаты. А Ваше Величество?

Наполеонъ (снявъ перчатку, подаетъ имъ руку). Мнѣ жарко—видите?

Первый солдатъ. Нѣтъ, Государь; скорѣй умремъ.

Наполеонъ. Дѣши мои!

Шпіонъ. Назадъ!

Наполеонъ. Впусти ордохранителей! имъ надо опогрѣть руки, чшобъ крѣпче держать знамя. (Знамя вносятся.)

Лотарингецъ (шпіону). Пожалуйста, поваринць, дай мѣспечко у огня—уншер-офицерское мѣспечко!—Чортъ возми, какъ закопченѣли руки!... Позволь дружески спросишь, поваринць: что ты опморозилъ?

Шпіонъ. Ничего.

Лотарингецъ. Счастливъ же. Теперь скажи пожалуйста, цѣль ли мой носъ? Я съ самаго Смоленска его не чую. . . А го.

лодень-то, голодень!—Ну шеперь хонь и за-
пнянуться пропунесей—пообъдашь!

Наполеонъ. Выспрѣлы! — Авангарды Купу-
зова и Вишгеншпейна нагнали мой аррьер-
гардъ. . . . Но тамъ Ней, Ней, храбрѣйшій
изъ храбрыхъ!—Карлъ XII! Карлъ XII! (Адью-
таншу). Выспрѣлы съ другой ужъ спороны!
Что это значить?

Адютантъ. Чичаговъ, съ тридцатью ты-
сячами, зашелъ намъ во флангъ.

Наполеонъ. А армія переправляется ли че-
резъ Березину?

Адютантъ. Почши шрепя часть переш-
ла на эшопъ берегъ, но мостъ шатается...

Наполеонъ. Знаю.

Адютантъ. Каждую минушу должно
ждать. . .

Наполеонъ. Молчите! — Вы говорите,
Чичаговъ. . . .

Адютантъ. Вопъ все ближе и ближе вы-
спрѣлы его пушекъ.

Наполеонъ. Сколько людей оспаесть еще
въ священномъ бапаліонѣ?

Адютантъ. Около пяписопъ.

Наполеонъ. Пусшь удерживаюшь Чичагова
съ его тридцатью тысячами, и дадутъ ар-
міи время переправиться черезъ Березину;
развернувшись въ одну линію, они покажутъ
за полшоры тысячи.—Идите. — О мостъ!

моспѣ! Я говорилъ Эбле, что спростили не довольно крѣпки. Ежеминутно пренещу, чтобъ не раздавался вопль упоающихъ тысячъ!—Боже мой!—Нѣтъ ли водки у кого нибудь?

Шпіонъ. Водки нѣсколько капель.

Наполеонъ. Благодарю. (Хочетъ выпить, но въ то же время видитъ гренадера, который борется со смертью, и подаетъ ему флажку). Выпей, храбрый солдатъ! (Вопли опчаянія и козацкое: ура). А! Моспѣ рухнулъ!

Голоса (за сценой). Моспѣ, моспѣ!

Голосъ. Непрѣшель! Козаки!

Наполеонъ. Ко мнѣ, дѣши! Пойдемъ; поларміи поглощено волнами; спасемъ оспальное.

Женщина (шпіону). Сжальпесь, не покинете меня здѣсь! Я не въ силахъ идти!

Шпіонъ (закусавъ ее въ эпанчу, уноситъ на рукахъ). Я не совсѣмъ безъ силъ. (уходящъ).

(сцена перемѣняется).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Березина.

(Императоръ, держа шестъ въ рукѣ, появляется съ нѣсколькими солдатами; музыканты 1 го корпуса, увидя его, кричатъ):

Императоръ! Императоръ!

(Играющъ: où peut-on être mieux?)

*Наполеонъ. Нѣтъ, дѣши, играйше : veillons
au salut de l'empire.*

(По мѣрѣ того, какъ музыка отдаляется, солдатовъ спланиваются все меньше и меньше: они падаютъ, заносимые снѣгомъ).

(до слѣдующей книжки).

VI.

БИБЛИОГРАФІЯ

— РУССКАЯ СЛАВА, стихотвореніе В. Жуковскаго. С. П. Б. въ типографіи А. Смирдина, 1831. — Жуковскаго можно назвать поэтическимъ исторіографомъ славы Русской. Его лучшія пѣснопѣнія были вдохновеніями великихъ опечисленныхъ событій, конкъ онъ былъ свидѣтелемъ. Въ ранней юности, съ лирой Барда, совершалъ онъ торжественную призву надъ гробомъ Славянъ, раздавленныхъ желѣзной пяпой всенизлагающаго исполина, на равнинахъ Аустерлицкихъ: и тогда онъ былъ пѣвцемъ упѣшенія и надежды, пророкомъ будущаго:

Нѣтъ! нѣтъ! всей мощью пораженъ
Низринемъ Россы на враговъ!
Не намъ, не намъ спенать подъ бременемъ оковъ!
Не намъ предашь и женъ и чадъ на возвращенье!
Опчизнѣ ль нашей бышь добычей ихъ когтей?
Иль диво намъ карашъ надменныхъ?

Сбылось предсказаніе вдохновенія. Аустерлицкое солнце померкло въ дымъ Москвы, принесшей себя во всеожженіе: колоссъ, угрожавшій подавить вселенную, сокрушился о гранишную Русскую грудь и по-

гребся подъ собственными развалинами. Тогда пѣвецъ явился въ Кремль, съ побѣдною пѣснью, благо-вѣспникомъ радости и воспорга, глашатаемъ наспо-ящаго :

О нашъ Сіонъ священный!
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней!
Красуйся, обновленный!

На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы:
И грянулъ страшный Божій бой
И гимнъ Его свободы!

Нынѣ, при обновленіи Русской славы новыми порже-спвами, благородное патріотическое одушевленіе сно-ва изливается изъ устъ лавровицаннаго поэта. Взоръ его, укрѣпленный опытами, спановиися шире и свѣп-лѣе: наспоящее кажется ему разрѣшеніемъ минувша-го и залогомъ будущаго. Онъ являешся пѣвцемъ вос-помнаній, собирающимъ подъ одинъ поэпическій взглядъ тысячелѣпную славу Россіи:

Свяшая Русь, Славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна швоя держава!
Какимъ путемъ пробился швой народъ!
Въ какихъ бояхъ швоя созрѣла слава!

Была пора: губительный Раздоръ
Вездѣ лешалъ съ хоругвию кровавой;
За нимъ во слѣдъ бѣжали Гладъ и Моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой;
Отъ Русскихъ Русскихъ кровь текла;
Губиль Половчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей прахе;
И Русь блдою коросла . . .

Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
 Душей великой Мономаха!

Была пора: Татаринъ злой шагнулъ
 Черезъ рубежъ хранищельныхъ Волги;
 Погибло все; народъ, шерпя, согнулъ
 Главу подъ стыдъ мучительный и долгій;
 Безсильнымъ Русь дави ярмомъ,
 Баскакъ носился въ край изъ края;
 Кашилась въ прахъ глава свящая
 Князей подъ Ханскимъ попоромъ . . .
 Но всшала Русь передъ врагомъ,
 И бштва грянула Донская!

Была пора: коварный, вражій Ляхъ
 На Русскій провъ накликалъ Самозванца;
 Загребилъ все; и Русь, въ его цѣпяхъ,
 Въ Цари позвать дерзнула чужестранца;
 Зачахла Русская земля;
 Ей Ляхъ напомнилъ пльнь Татарскій;
 И брошень былъ вѣнецъ нашъ Царскій
 Къ ногамъ презрѣннымъ Короля . . .
 Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
 Ихъ опрокинулъ Князь Пожарскій!

Была пора: привелъ къ намъ рати Шведъ;
 Предъ горсшью ихъ бѣжали мы шолпани;
 Жесшка далась наука намъ побѣдъ;
 Купили ихъ мы нашими коспами;
 То шрудная была пора:
 Пришлець и буншовщикъ лукавый
 Хватались вырвать знамя славы.
 Изъ рукъ могучаго Пепра . . .
 Но дало Русское: ура!
 Опвѣтъ имъ съ пушками Полшавы!

Была пора; Екатерининъ вѣкъ.
 Въ немъ ожила вся древней Руси слава,

Ть дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
 И выль Дунайъ подь лодкой Святослава.
 Рымнякъ, Чесма, Кагульскій бой,
 Орлы во градъ Леонида,
 Возобновленная Таврида,
 День Измаила роковой,
 И въ Прагъ кровью залишой,
 Москвы опмщеннаа обида!

Была пора: была святая брань;
 Опъ запада узрѣли мы Башыя;
 Народовъ шмы прорвали нашу грань:
 Пришлось поля опспаивашь родныя;
 Дошли къ намъ Царскія слова
 И спала Русь спѣною шрона;
 Была то злая оборона:
 Дрались за жизнь и за права . . .
 Но загорѣлася Москва,
 И нѣтъ слѣдовъ Наполеона!

Пришла пора: чудясь, узрѣли насъ
 И Арарашъ и Тавра великаны;
 И близокъ былъ Спамбула смертный часъ:
 Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.
 Знамена развернулъ мяшежъ;
 Насъ позвалъ Ляхъ на пиръ кровавый;
 Но праздникъ данъ на полъ славы,
 Гдѣ слѣдъ нашъ памященъ и свѣжъ . . .
 И гости пира были шѣжъ,
 И шажъ была судьба Варшавы!

Трудна пора: Война и грозный Моръ
 Царя и Русь опшвсюду осадили.
 Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ буншу сборъ!
 Мяшежники знамена посрамиди;
 Явился Царь: ихъ обнялъ спрахъ;
 Губители оцѣпенѣли.
 Но гдѣжь Онъ самъ, предъ кѣмъ не сѣли
 Они возрѣшь и пали въ прахъ? . .

Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ Онъ къ колыбели.

Мы выписали здѣсь большую часть стихотворенія:
Жуковский долженъ говорить самъ за себя!

— О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА, сочиненіе Доктора Ястремцова. Москва, въ типогр. А. Семена, 1831. — Воспитаніе дѣтей по сю пору у насъ есть предметъ, такъ сказать, дѣвственный, обращающій всеобщее вниманіе и любопытство, но не прикосновенный для изслѣдованія. Тогда какъ въ Европейскія имперіи наводнены педагогическими опытами и системами, у насъ не было еще брошено ни одного дѣльнаго взгляда на эту первую, основную степень образованія. Домашнее воспитаніе, долженствующее приготовлять дѣтей для публичныхъ заведеній, предоставлено у насъ слѣпой власти обычая, управляющагося законными преданіями. Родители, которые натурально должны имѣть здѣсь председательство и первый голосъ, или уступаютъ все свои права въ безусловное распоряженіе ремесленниковъ-учителей, исправляющихъ свое дѣло, съ стереотипнымъ однообразіемъ, по наслышкѣ и навыку; или, увлекаясь непросвѣщенной ревностью, сами вмѣшиваются въ ихъ ремесло, но не для того, чтобы помогать имъ, а для того, чтобы еще болѣе спѣснать мѣлочными припизаніями. Такимъ образомъ дѣтскій возрастъ, нѣжная надежда будущности, прозябаетъ у насъ въ душныхъ парникахъ, сколоченныхъ мертвою рупиною. Больно видѣть это несчастное состояніе первоначальнаго воспитанія: но оно изясняется и извиняется молодостью нашей народной образованности вообще. У насъ еще не вполнѣ удовлетворены

ТЕЛЕСК. Ч. V.

27

потребности зрѣлаго возраста: досугъ ли занимать-ся дѣтскимъ? По законамъ образованія нашей природы, улучшеніе первоначальнаго воспитанія должно быть окончательнымъ довершеніемъ народнаго просвѣщенія.

При такой естественной скудости, безъ сомнѣнія тѣмъ пріятнѣе воспрѣпятъ въ нашей словесности явленіе, подобное опыту *Г. Ястребцова*. Признаемся, что мы прочли его съ удовольствіемъ и благодарностию. Сочинитель первый вступилъ на поприще, доселѣ никѣмъ не посѣщаемое. Онъ подвергъ строгому, основательному изслѣдованію существующую у насъ рупину воспитанія; и освѣтилъ сей важный предметъ новыми, оригинальными видами. Его общія идеи о необходимости дѣльнаго воспитанія, примененныя къ частнымъ потребностямъ нашего отечества, отличаются благородною искренностью и пылымъ одушевленіемъ. «Люди знатные и богатые!» говоритъ онъ: «не пренебрегайте просвѣщеніемъ; пришло время основательнаго ученія. Оставьте пагубную привычку искашь того, чѣмъ дѣти ваши опредѣлялись къ мѣспамъ, прежде нежели они успѣли чему нибудь твердо научиться. Оставьте эту привычку: или вы будете имѣть печаль, увидя, что люди безродные, но дѣятельные и обогащенные положительными свѣденіями нынѣшняго времени; покровительствуемые правосуднымъ Монархомъ, будутъ вездѣ обгонять дѣтей вашихъ на поприщѣ чести и вообще гражданскаго отличія. Вы ищете власти надъ тѣми, которыя сподѣтъ ниже васъ; сія власть пріобрѣтается и сохраняется личными достоинствами, а не однимъ богатствомъ и именемъ. Васъ будутъ уважать, если вы добродѣтельны; васъ будутъ слу-

шапсья, если вы умны и просвѣщенны : но если вы не имѣете сихъ достоинствъ, то какія могутъ бытъ вышніе требованія и гдѣ они найдуть твердую опору?» (с. 17, 18)? Не менѣе вѣрно и сильно изложено доказательство, что содѣйствіе народному образованію, чрезъ улучшеніе воспитанія, несравненно болѣе приносятъ пользы человечеству и обществу, чѣмъ ложная благотворительность обыкновенныхъ филантроповъ, распочающихъ подаванія и милоспынни (с. 20-28). Но отдавая полную справедливость главнымъ видамъ и понятіямъ Г. Ястребцева, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ его выводовъ.

По словамъ Г. Ястребцева, «хорошая система умственнаго воспитанія дѣтей должна заключать слѣдующія условія: а) чтобы преподаваемые свѣденія не переходили за границы дѣтскаго понятія; б) чтобы можно было начинать ихъ съ самаго ранняго дѣтскаго возраста; в) чтобы онѣ не препятствовали физическому и способствовали, какъ можно болѣе, умственному развитію дѣтей; г) чтобы приготавливали, насколько скорѣе и легче, къ тѣмъ наукамъ, которыя нужны по нынѣшнему духу времени» (с. 29). Это совершенно справедливо. Разсмапривая нынѣшнюю систему воспитанія, Г. Ястребцевъ находитъ, что она не удовлетворяетъ ни одному изъ сихъ условій; и потому совѣдуетъ: а) *измѣнить* въ ней все не согласное, б) *исключить* излишнее, в) *дополнить* недостающее (с. 66). И это также справедливо. Но какимъ образомъ предполагаетъ онъ сдѣлать сіи необходимыя исправленія?

Въ отношеніи къ *измѣненію* обыкновенной манеры дѣтскаго ученія, Г. Ястребцевъ совѣдуетъ во первыхъ оставить «правило, требующее преподаванія

дылимъ какой-нибудь науки *вратить*, но всей сяду, отъ начала до конца,« поспановляя на мѣсто его правило самое натуральное: *«учить дѣтсей изъ какой-нибудь науки только тому, что не превышаетъ ихъ понятія, не затрудняетъ много ума ихъ»* (с. 66). Все это очень хорошо: но какъ это сдѣлать? *Г. Ястребцевъ* предлагаетъ слѣдующую мѣтоту: *«передавши ученику изъ какой-нибудь науки все, что есть въ ней легкаго, поспь, все, для чего онъ не долженъ дѣлать самшжомъ великихъ умственныкъ усилій, оставивше на время эту науку, возьмите другую, треннюю, чешверткую; и такъ далѣе, расположите все эти науки такъ, чшобъ онъ одна другой помогали»* (с. 67). Но—подумайте ли онъ о слѣдствіяхъ, кои неминуемо должны происходить отъ подобныхъ переходовъ? Известно, какъ вниманіе дѣпей бѣгло и лепуче: оно скользитъ по предметамъ съ легкостью весенняго вѣсперка; его должно пригвождать къ нимъ поспояннымъ усиліемъ, пока оно совершенно съ ними не освоится; отъ чего разъ оторвалось оно, по для него погибло. Переводить дѣпей отъ науки къ наукъ—значитъ подвергать ихъ необходимости возвращаться нѣсколько разъ къ одному и тому же. Да и что разумеетъ *Г. Ястребцевъ* подъ именемъ *легкаго въ наукѣ*? *«Всякая наука»*—говоритъ онъ—*какъ море, имѣетъ свои мелкія мѣста, такъ какъ и на оборотѣ, всякая имѣетъ свои глубины, даже бездонныя»* (с. 67). Но эти глубины—въ наукѣ, не какъ въ морѣ—существоуютъ не бочагами: онѣ идутъ поспепенно отъ береговъ, при которыхъ всегда бываетъ мелко. И такъ дѣло состоитъ нѣолько въ томъ, чшобы начинать всегда съ берега, *commencer par le commencement*, а не бросаться зря въ средину, потому что тамъ видѣются

ся опшмѣли. Въ нашей манерѣ воспитанія не достпаетъ именно этого: у насъ учить не съ начала и слѣдовательно не сначала : грамматика идетъ прежде логики ; арифметика прежде геометріи. Зablужденіе это очень понятно. Въ общемъ ходѣ образованія человѣческаго, начала открываются всегда медленно, съ большими трудами : отсюда господствующее предубѣжденіе въ ихъ неприспущности и затруднительности. Но это совершенная неправда. Начала всегда очень просты—простѣе несравненно выводовъ , которые сами только при посредствѣ ихъ вполне понимаются. Чего стоило Пифагору открыть теорему, носящей его имя , когда онъ принесъ за нее пышную жертву изъ спа воловъ? И однако что можетъ быть ея простѣе? Легкость науки должна опредѣляться вѣрнымъ послѣдованіемъ естественному ея порядку. Такъ грамматика и логика суть двѣ спорыши одной науки ; но послѣдняя предшествуетъ первой, какъ мысль предшествуетъ слову : она содержитъ въ себѣ начала и основанія , коихъ первая есть только примѣненіе. Съ перваго взгляда грамматика кажется простѣе логики; и пошому въ обыкновенной системѣ воспитанія преподается прежде. Но это совершенно вопреки естественному порядку : и сдѣлао проинувестившность производитъ ту скуку и отвращеніе, которое дѣши обыкновенно чувствуютъ къ грамматикѣ. Въ самомъ дѣлѣ , какое удовольствіе можетъ приносить эта парабарщина безсмысленныхъ словъ, кои составляютъ нашу грамматическую терминологию! Какую тяжесть для дѣтской памяти должны составлять эти варварскія выраженія : *падежь*, *залогъ*, *наклоніе*, *притастіе*, кои составляютъ ихъ безжалостно вышверживать? Но объясните имъ ло-

гическое значеніе понятій, выражаемыхъ ими словами; развейте передъ ними мало по малу шкани мысли, копорая составляетъ основу рѣчи: вы увидите, какъ легко и удобно будучи врѣзываться и удерживаться въ ихъ памяти сіи и подобныя имъ термины. Это можно дознати опытно. Сяпакшическія правила еще болѣе имѣютъ нужду въ предварительныхъ пособіяхъ логики, особенно при изученіи нашего естественнаго языка, когдѣ естественная шкань не искажена условными прихотями произвола. Это приводитъ насъ ко второму пункту *измѣненія*, предполагаемаго Г. *Ястребцевымъ* для вышней системы воспитанія, относительно *выбора наукъ*. Г. *Ястребцевъ* совѣдуетъ «учить дѣтей сколько возможно менѣе тому, что требуетъ особенныхъ усилій ума и воображенія, и сколько можно болѣе тому, что требуетъ памяти» (с. 68). *Особенныхъ усилій ума* — такъ! Но оставлять умъ дѣтей безъ всякаго напряженія и налегать на одну ихъ память — есть совершенная пагуба. Это наивѣрнѣйшій способъ сдѣлать ихъ попугаями. Умственная работа весьма не легка: и поному къ ней должно приучать какъ можно ранѣе. Нѣтъ ничего легче, какъ избаловать умъ неупражненіемъ и приучить къ лѣности, опъ копорой прудно будетъ опивыкнута въ зрѣлыя дѣта. Мозговая гимнастика необходима: опъ недостатка ея при воспитаніи, вырастаютъ такъ много людей съ умомъ бѣглымъ, острымъ, живымъ, но неспособнымъ ни къ какому основательному занятію, пугающимся всякой дѣльной работы. И такъ, по нашему мнѣнію, при *измѣненіи* вышней системы воспитанія, должно обратить вниманіе на то, чпобы науки изучались въ *непрерывной* послѣдовательности естественнаго ихъ порядка и принимались не *одной* памятью.

Въ отношеніи къ *исключенію* изъ нынѣшней системы воспитанія, Г. Ястребцовъ проспираетъ спрогость свою до немовѣрной жестокости. Можноль повѣришь, что онъ осуждаетъ на сіе *исключеніе* — *древніи языки, риторикъ, пиитикъ и исторію*? (с. 72) Спранность сія имѣетъ свои основанія, благовидныя для Г. Ястребцова. Ожесточеніе его пропивъ *древнихъ языковъ, риторики и пиитики* происходитъ опъ предубѣжденія въ ихъ несообразности съ *нынѣшнимъ духомъ времени*. Но въ чемъ онъ полагаетъ *нынѣшній духъ времени*? Сшудно сказать, а грѣхъ попадтъ: въ *исканіи физическаго благосостоянія* (с. 41)!!! Какъ! Не ужели *нашъ* пресловушій *вѣкъ*, хвастающійся своимъ исполнскимъ шаганьемъ и высокими взглядами, ограничиваеися, въ спремленіи своемъ, цѣлю, сопредѣльною съ живошнымъ инспинкомъ? Не ужели родъ челошескій пропацился черезъ семь тысячъ лѣтъ, въ кровавомъ прудѣ и попѣ, не возвысившись нисколько надъ грязью, изъ которой слѣплено физическое бытіе его? Или не соспарься ли ужъ онъ до щакой спешени, что воротился опяшь въ сосполяне грубаго и дикаго младенческаго? Признаемся, мы гораздо лучше думаемъ о *нынѣшнемъ вѣкѣ*, хотя гораздо скромнѣе изъясняемся. По нашему мнѣнію, *духъ настоящаго времени* соспоишь въ *спремленіи къ полному наслажденію всшми способностями челошеской нашей природы, къ полному развитію челошеской нашей жизни*. Въ древнемъ мірѣ Грековъ и Римлянъ преобладала физическая наша спорона: и пошому все клонилось шогда къ ея облагородсшюванію, улучшенію, просвѣщенію. Греки и Римляне пировали на праздникѣ жизни, увишые цвѣшми, за полными чашами: это былъ вѣкъ ликовапія и упоенія! Времена

среднія представляли порожество духовной споры нашей: это былъ періодъ схоластическихъ мудростей и монастырскаго опшительничества. Ни по ни другое не принадлежишь исключительно нашему вѣку: и это именно составляетъ его достоинство. Мы хотимъ *имѣть* быть людьми; въ полномъ значеніи этого слова. Спрашивается: почему риторика и пиншика могутъ быть несообразны съ этой цѣлю? Развѣ краснорѣчіе и поэзія, прекраснѣйшіе цвѣты нашей человѣческой природы, не могутъ имѣть никакого примѣненія къ жизни? Это клевета самая несправедливая и оскорбительная! Посмотрите на нынѣшнюю Европу! Посмотрите на Англію, выспавляемую обыкновенно въ образецъ выраженія современнаго духа! Чѣмъ, какъ не силою краснорѣчія, двигаютъ ее Пиншпы, Фоксы, Бругамы? Поэзія конечно меньше приносишь вещественной пользы: но за чѣмъ опять взводишь на нее, будто она убиваетъ попусту драгоценное время и мѣшаетъ челоуку быть полезнымъ членомъ общества? Помѣшала ли она Гетте быть государственнымъ мужемъ? Мѣшаетъ ли Королю Баварскому успроить благоденствие своего народа! Мы согласны, что рифмачи - пустословы—самые бесполезные и негодные наросты общества: но размноженіе ихъ не происходитъ ли частію отъ того, что, при наслоящемъ состояніи нашего воспитанія, поэтическое образование именно спѣсняется въ тѣ предѣлы, конми совѣтуешъ ограничить его *Г. Ястребцевъ*? По мнѣнію его, «для дѣшей довольно имѣть въкопное только понятіе о механизмѣ стихотворсва» (с. 74). Но отъ этого-то именно и распложаются у насъ рифмачи, что имъ даютъ *нѣкоторое только понятіе о механизмѣ стихотворства*. Механизмъ эшопѣ

чрезвычайно легко: и дѣти, привыкнуи ограничивать свои понятія о поэзи, хватаются смѣло за перо и начинаютъ писать рѣшмы, думая что въ нихъ-то и заключается вся поэзія. Возвысьте заблаговременно ихъ понятія; научите чувствовать и понимать истинное достоинство поэзи; развеите въ сердцахъ ихъ чувство изящества: тогда рѣдкій изъ нихъ опившись оскорблять Музу своею дерзостью, безъ внушеннаго призванія. Но—они будутъ чувствовать сладость поэзи: жизнь, столь скудная истинными наслажденіями, будетъ для нихъ имѣть минуты высокаго одушевленія!.. Въ разсужденіи опалы, возложенной на древніе языки (Латинскій и Греческій), мы охотно согласились бы съ *Г. Ястребцевымъ*, еслибъ онъ не противорѣчилъ самъ себѣ. На примѣръ, «по Гречески онъ совѣтуетъ учиться столько, чтобъ понимать техническихъ термины, взятые изъ сего языка. Для сего нужно,» говоритъ онъ, «вслушивъ дѣшею читать и писать по Гречески, заставляя ихъ учить наизусть Греческія слова съ Русскимъ значеніемъ, которыя входятъ въ составъ техническихъ терминовъ» (с. 72). Просимъ покорно! Да развѣ можно понимать эти слова, не зная, по крайней мѣрѣ, Греческой этимологіи? Къ Латинскому языку *Г. Ястребцевъ* несколько помилосивѣе: онъ позволяеть ему учиться столько, чтобъ «разумѣть не только смыслъ техническихъ терминовъ, взятыхъ изъ Латинскаго языка, но и понимать такъ называемыя *Латинскія фразы*, употребляемыя натуралистами» (с. 73). Такъ не ужели затвердить попугайки наизусть длинную вереницу по большей части варварскихъ вокабулъ и фразъ, легче и пріятнѣе для дѣшей, чѣмъ исподоволь выучиться грамматикѣ Латинской и Греческой? Граммати-

ческое учение спрашно только тогда, когда оно преподается изъ книжки, по рупинъ. По сю пору есть еще добрые люди, которые учились и даже участь, въ полной увѣренности, что сколько языковъ, столько и грамматикъ, столько и наукъ особыхъ. Ихъ конечно береть опорошь, когда имъ говоряшь о грамматикъ Русской, Латинской, Греческой, Французской, Нѣмецкой, Английской и. п. д. Но Грамматика въ сущности одна! Спощишь выяснишь дѣлшмъ логическую основу языка человеческого вообще: и тогда имъ останеца только работа примѣняшь общія законы слова къ частнымъ идиопизмамъ языковъ—работа, имѣющая свою пріятность и безконечную пользу!.. Остаеца теперь защишишь исторію опъ нападокъ, конхъ несправедливости въ глаза мечеца. *Г. Ястребцеву* кажется, что «исторія не соразмѣрна съ дѣлскими понятіями» (с. 74): это уже слишкомъ! Мы совершенно согласны, что «душа исторіи заключаеца въ *мысли человечества*, которой участь измѣнялась въ печеніе вѣковъ, и продолжаетъ измѣняться, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ (!) законовъ Творца» (с. 34). Но почемужь онъ думаетъ, что сія *мысль* не доступна никакъ для дѣлшей? Развѣ онъ думаетъ, что она не имѣетъ своихъ наружныхъ, пакъ сказашь, осязаемыхъ споронъ, конъ весьма проспы и понятны? Самъ *Г. Ястребцевъ* требуетъ, чтобы дѣлскій возрастъ былъ преимущественно занимаемъ *Натуральною Исторією* (с. 76): но развѣ сія послѣдняя не есть также пѣло, коего душа заключаеца въ *мысли природы*, коей безпредѣльная сущность выражаеца въ несмѣшныхъ явленіяхъ физическаго міра, въ слѣдствіе Творческихъ законовъ? Предлагаемое *Г. Ястребцевымъ* ограниченіе исторіи для дѣлскаго воз-

распа часпнымн жнзнеопнсаніямн (с. 74) можеть нмьпшь весьма вредныя сльдспвія. Люди, сколь бы нн былы велнкн, всегда бнвають порожденіямн своего времени; даже чьмь они выше, пьмь ярче горнть на нхь печашь вька. Ихь біографіи, посему, могушь нмьпшь полный смыслъ и значеніе полько тогда, когда они занимають свое мьсто вь исторіи. Иначе онь могушь бышь понннаемы ложно и служнть пагубнымн примьврами. Куда годнлся бы ныпь человекь, воспламененный образцамн Плуларха? Кь чему довело бы теперь соревнованіе Брушу, Капову и даже—Сократу?

Вь опношеніи кь *дополненію* системы первоначального ученія, мы болье согласны съ Г. Ястребцевымь. Вь соствавь ея конечно должны входнть «Ньмецкій и Англійскій язькн, Фызнка, Хнмія и Механнка» (с. 75). Но всему должна бышь мьра. Знанія Еспественныя безьсомнвнтя должны бышь уснлены при образованіи дьтскаго возраспа, но едва ли до такой степенн, которой пребуешь Г. Ястребцевь. Мы чнталн приложенныя нмь для образца опыты *уроковь: орншоологнческаго, фнтогнческаго и орнктогностнческаго* (с. 91-104): и признаемься—поднвлнсь предубьжденію Г. Ястребцева. Не ужелн кажется ему пріяшнше и легче для дьтей, вытверднть названія *саркорамфа, кавартн, перкноптера, гнпата*, съ объясненіямн, заннспвованнымн изь Греческой эпнмологіи, которой они не учнлись—чьмь проспрягапть аорнспть нли сочннннть періодь?

Кончнмь сознаніемь, что, хонпя мы н спорнлы съ Г. Ястребцевымь, но пьмь не менье сохранныемь полное уваженіе кь труду, коего предметь споль важенъ и внды споль благонамьренны.

—ЧЕЛОВЬКЪ ВЬ НЕЗНАКОМОМЬ МІРЬ НЛИ СЕМЕЙСТВО ГРАФА***, *романь, сочин. Клаурена. Переводь съ Нь-*

мечтаю, С. П. Б. въ тип. И. Глазунова 1831.—
Имя *Клаурена*, довольно уже позапашкавившееся въ Нѣмецкой словесности, у насъ па Русн, живущей по большей часини заднимъ числомъ въ отношеніи къ Европейскому календарю, сохранилеть еще важность и можетъ служить приманкою для любопытства. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ иначе изъяснить причинъ, по которымъ, въ нашей не слишкомъ шурованной словесности, является довольно изрядный переводъ *Клауренова* романа, не опличающагося никакимъ особаннымъ достоинствомъ. Содержаніе его чрезвычайно пошло и спаро: изложеніе оппывается приторнымъ юморизмомъ *Августа Лафонтейна*. Природы—ни тѣни: испины—ни на волосъ. Любопытно для насъ Русскихъ только то, что часиль дѣйствій, описываемыхъ въ романѣ, совершается у насъ въ Россіи. Любо, дорого посмопрѣть, какъ Нѣмецкая фантазія идеализировала наше опшечство. На берега Урала, она перенесла блаженную Утопію, о кошорой мечтаеть Германская чувствительность, въ сладчайшія минуты сердечнаго уноенія, и населила ее вздохами и спраданіями, слезами и грезами. Пермькь и Архангелородка едва не испаряются въ пѣжныхъ чувствованіяхъ; а козачій Гешманъ (апанманъ конечно?) является—хонь куда—идеальнымъ геросомъ!

—руководство къ содержанію и произведенію новыхъ сортовъ розъ, основанное на тридцатилетней опытности, *Ян. Рейдера*; съ описаніемъ лучшихъ новѣйшихъ и известнѣйшихъ сортовъ какъ заключающихся въ группу, такъ и оранжерейныхъ. Переводъ съ Нѣмецкаго, съ прицарованіемъ къ нашей календару. Москва, въ Унив. типографіи, 1831.—Книжка сія заслуживаетъ внима-

не нашихъ садоводовъ: она удовлетворяетъ своему заглавію. Описательно изложенія ея, замѣчательно, какъ дукъ времени пробиваются теперь всюду и вездѣ обнаруживаются. Соизннпедь, ичислнвъ разлнчныя сорты розъ, предлагаешь идеаль совершенной розы, «Совершенная роза»—говорить онь—«должна быть сильно махрова и благовоица: таковыя шолько заслуживъ могутъ вниманіе охотника. Если роза имѣетъ болѣе правильности въ выпуклости и расположеніи цвѣтковыхъ листковъ, которые должны быть болѣе сжаты и сподыть прѣмѣе, тогда можно назваць ее *превосходною* (!). Если же къ шому: еще имѣетъ цвѣтокъ особенную яркость и блескъ и даже нѣсколько цвѣтовъ или опшѣнковъ, тогда заслуживаетъ она имя *удивительнаго* (!!) и составляетъ славу цвѣтповода. Довести до таковаго совершенства все сорты розъ истребуешь посполнаго заишннн и перпѣннн; и въ семъ опшннннн дѣлающся нынѣ *исполннскіе шага* (!!!).» А!..

— HISTOIRE DES SECTES RELIGIEUSES, DEPUIS LE COMMENCEMENT DU DERNIER SIÈCLE JUSQU' A L'ÉPOQUE ACTUELLE, par M. Grégoire, ancien Evêque de Blois. Nouv. Edit. Paris, 1830. VI Vol. (исторія религіозныхъ сектъ съ начала посяднннн столѣтн до настоящаго времени, соч. Грегунра, бывшаго Епископа Блуаскаго. Нов. Изд. VI Том. Парнжъ, 1830).—Произведеніе сіе, при первомъ своемъ появленіи, произвело менѣе шума, чѣмъ вышъ, при впшоромъ изданіи. Расположеніе его и порядокъ не пошерпѣли ни какого измѣненія; да и говоря собственно, въ немъ нѣтъ никакого порядка, а просто главы слѣдуютъ одна за другою.

Книга первая заключаецъ въ себѣ одно шолько

время революціи и релігіозныхъ сектъ, которыя тогда обнаруживались, съ ихъ обрядами и празднествами. Это, однимъ словомъ, не что иное, какъ сатурналіи деизма. Праздникъ Союза, совершенный на Марсовомъ Поля, 14 Іюля 1790, имѣлъ еще нѣкоторую торжественность: ибо революція тогда содержала себя въ предѣлахъ. Но она осрамилась совершенно, когда прахъ Вольтера перенесенъ былъ въ Пантеонъ съ смѣшною пышностію. Парісія Гебера и Шометта, съ своими празднествами въ честь ума, спремилась къ обоготворенію атеизма. Такимъ образомъ все клонилось ниже и становилось ужаснѣе, когда Робеспьеръ заставилъ Конвенцію издавать опредѣленіе, что есть верховное существо. За пѣть слѣдовала теотилантропія Ларевельера и наослѣдокъ Французское декади Нѣшашо.

Самую ужаснѣйшую сцену того времени оспавдало низложеніе конституціоннаго Парижскаго Епископа, при которомъ Грегуаръ велъ себя достойнымъ образомъ. Здѣсь книга его возвышается до важности и занимательности Историческихъ Записокъ: почему любознательно послушать самаго сочинителя. »Низложеніе сіе происходило 17 Брюмера 2 Года (7 Ноября 1794). На канунъ Анахарсисъ Клоцъ и Персіра, вечеромъ въ 11 часовъ, пришли къ Гобелю, тогдашнему конституціонному Парижскому Епископу, который уже находился въ постель. Они требовали, чтобы онъ немедленно явился въ засѣданіе Конвенціи для опреченія отъ своихъ заблужденій. »Я не признаю никакихъ заблужденій въ моей релігій — опвѣчалъ сей послѣдній—»и почему мнѣ не отъ чего опречаться.«— »Здѣсь нѣмѣсто спорить о вашихъ началахъ; вы должны покориться волѣ народа, который хочеть, чтобы вы

оставили свое мѣсто, болѣе ему не удобное. «—Если эпо воля народа, то онъ можетъ изложить меня, потому что онъ меня поставилъ. Между тѣмъ я хочу прежде снесись съ моимъ Епископскимъ Советомъ.» Эпоэтъ Советъ держанъ былъ въ следующее утро. Изъ семнадцати духовныхъ, его составлявшихъ, четырнадцать были въ пользу отреченія. И такъ оправились въ Опель-де-Вилль, гдѣ Шометтъ говорилъ рѣчь о необходимости изложенія. Гобель попереялъ духъ и бодрость: толпа бродягъ схватываетъ его и выпалкиваетъ вонъ изъ Конвенци. Здѣсь онъ началъ говорить дрожащимъ голосомъ: «я слагаю мой санъ, поелику по угодно народу.» Но камъ онъ не произносилъ ни одного слова противъ католическихъ догматовъ ни противъ католической правственности, шо его простыя слова были искажены и перетолкованы ораторами. За тѣмъ множество католическихъ и протестантскихъ духовныхъ бросилось на кафедру съ извѣщеніями, что они почтутъ себя счастливыми,ждавши въожделѣннаго дня, когда наконецъ возсіяетъ вполне разумъ, и что они опныи не хотиашъ ни каког другаго богослуженія, кромъ свободы. Я объятъ былъ скорбію, будучи свидѣтелемъ всѣхъ сихъ произшествій, изъ сосѣдней комнаты, гдѣ занимался составленіемъ рапорта о народномъ просвѣщеніи: зрители, какъ бѣснующіеся, громко хохотали и ободряли руками и ногами опступниковъ, кои толкали другъ друга съ кафедры, чпобы поскорѣ изъяснить свое мнѣніе. Когда я вошелъ въ залу, меня обступили депутаты, составлявшіе Вершну Горы (Cime de la Montagne): ибо очень дорожили моимъ изложеліемъ, копорое было бы для нихъ величайшимъ торжествомъ. Нѣисповымъ голосомъ, съ клубящейся опъ ярости пѣною, они прика-

зываютъ мнѣ опречья опъ суетврія и опъ шарлатанства, коимъ порицали священство. Другіе депутаты обратились къ президенту, чпобы выпросить мнѣ позволеніе говорить, хопя я и не желалъ того. Президентъ далъ мнѣ это позволеніе. Еслибъ я промолчалъ, то мнѣ это былобъ причтено если не въ безмолвное согласіе, то конечно въ бездушіе и прусость. И такъ я поспѣшилъ на кафедру. За ужаснѣйшимъ шумомъ послѣдовала мертвая тишина въ обширной залѣ. Но первыя произнесенныя мной слова были прерваны новыми выраженіями неистовства: ибо бѣснующіеся поняли изъ нихъ, что я не ихъ мнѣнія. »Я только что вхожу въ залу«—говорилъ я—»и имѣю весьма неопредѣленное понятіе о томъ, что здѣсь было. Говорятъ мнѣ о жертвахъ. Я привыкъ приносить ихъ. Если должно предсавить доказательства привязанности моей къ дѣлу свободы, то, мнѣ кажется, ихъ довольно уже было представлено. Но если рѣчь идетъ о религіи, то я долженъ замѣтить, что она находится внѣ круга вашего дѣйствованія и что вы не имѣете права дѣлать на нее приписанія. Если дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы сократить Епископскіе доходы, я соглашаюсь на то безъ всякаго сожалѣнія. Слышу, говорятъ о фанатизмѣ, о суетврія . . . я всегда сражался съ ними: это двѣ вещи, совершенно противоположныя религіи. Я каполикъ по увѣренности и чувству, священникъ по избранію. Народъ нарекъ меня Епископомъ: но мое посольство свыше, не опъ васъ и не опъ народа. Я принялъ Епископскій санъ въ то время, когда онъ исполненъ былъ тернія: мнѣ не давали покоя, доколѣ я его не принялъ. Теперь сюда беспокоятъ меня, требуя, чпобъ я его оставилъ. Но этого не будетъ! Я дѣйствую

по началамъ, кошорыя мнѣ дороже всего и кошорыхъ вы у меня не похищите. Я старался сдѣлать моею паспвѣ сполько добра, сколько возможно: и остаюся Епископомъ, чтобы продолжатъ трудъ сей. Моею защипою должна быть свобода вѣроисповѣданія! Слова сіи были прерываемы криками, выражавшими ожесточеніе, безпрестанно возрасшавшее. Пѣна клубилась на ухахъ, и я почиаю невозможнымъ, чтобы у Мильсона, изобразившаго ипакъ превосходно адъ и демоновъ, достало красокъ на эту ужасную сцену. Когда я спель съ трибуны и занялъ свое мѣсто, всѣ опшашнулись отъ меня, какъ отъ чумнаго. Вокругъ себя видѣлъ я сполько скрежещущія зубами лица, пожиравшія меня угрожающими взорами. Я думалъ, что мой смертный приговоръ будетъ произнесенъ немедленно. Осьмнадцать мѣсяцовъ находился я въ этой увѣренности. Но онъ произнесенъ не былъ.»

Больше забавно то, что сочинитель говоритъ о введеніи республиканскаго календаря и испребленія древнихъ именъ, въ 1793 году. Подумаешь, что Вальшер-Скоттъ рассказываетъ о Пуришанахъ Англійской революціи. (Р. В.).

VII.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

ДОЛГОТЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ВЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ СТРАНАХЪ
ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ.

(продолженіе)

Все сказанное о смертности государствъ и городовъ, относится и къ частнымъ заведеніямъ: вездѣ одинаковыя причины производятъ одинаковыя дѣя-

ЧЕЛЕСК. Ч. V. 28

ствія. Слѣдственно, можно рѣшительно опредѣлить, что вообще количество умирающихъ поспешенно уменьшалось въ больницахъ по мѣрѣ просвѣщенія и благосостоянія общественнаго. Безошибочно заключить можно, что тамъ, гдѣ велика смертность, низшіе классы народа бѣдны и развратны, и самое врачебное искусство не имѣетъ настоящей цѣны въ обществѣ мѣстн.

На смертность въ госпиталяхъ, послѣ вышеизложенныхъ причинъ, зависящихъ отъ народа, наиболѣе дѣйствующи: мѣстоположеніе, хозяйственное устройство, врачебные способы; но нѣсколько уже лишь, какъ лучше прежняго начали постигать выгоды, доставаемые ими средствами. Сколь благотворныя, на примѣръ, слѣдствія произвело испребленіе прежде существовавшихъ предрасудковъ или невниманія къ провѣшриванію! Въ Лидской больницѣ всѣ переломы костей и препанировки кончались смертію; въ Парижскомъ Отель-Дѣё почти ни одинъ изъ больныхъ, у которыхъ надлежало опривмать члены, не выдерживалъ операціи; но не взирая на то больныхъ по прежнему заспавляли дышащъ зараженнымъ воздухомъ, который не только спесобсповалъ усиленію ихъ недуговъ, но даже порождалъ въ нихъ новыя, еще опаснѣйшія болѣзни. Разнообразіе меподъ леченія сильно дѣйствуетъ на долговременность болѣзни, характеръ выздоровленія и разположеніе къ возобновленію болѣзненныхъ припадковъ, но мало дѣйствуетъ на смертность.

Замѣчено, что во Франціи, Англии и Германіи, по больницамъ, умираетъ менѣе въ провинціяхъ, нежели въ столицахъ. Вотъ таблица смертности въ нѣкоторыхъ больницахъ:

умер. больн.

Лондонъ, Больниц. Св. Ѳомы.	(1685)	1	на	7
	(1827)	1	—	12
	Св. Георгія. (1734)	1	—	8
	(1827)	1	—	9
Батъ		1	—	18
Гласгоу.		1	—	9 $\frac{1}{2}$
Эдмбургъ.		1	—	16
Дублинъ (средн. 10ти лѣт. проп).		1	—	13
Парижъ, Hôtel-Dieu	(1770-1780)	1	—	4
	(1822)	1	—	6 $\frac{4}{5}$
	La Charité.	1	—	5 $\frac{1}{2}$
	Госпит. Кор. Гвардіи.	1	—	21
	Госпит. Св. Люд.	1	—	14
Лионъ, Hôtel-Dieu		1	—	11
Монпелье.		1	—	10
Берлинъ, La Charité.	(1796-1817)	1	—	6
	Военные Госпитали. (1822)	1	—	85
Вѣна, Главн. Госпит.	(1824)	1	—	6
Пестъ въ Венгріи, ...	(1826)	1	—	6
Дрезденъ, Городск. Больн.	(1816)	1	—	7
Минхенъ, Главн. Госпит.	(1819)	1	—	9
Петербургъ, Императ. Больн.		1	—	4 $\frac{1}{4}$
	Город. Больн.	1	—	10
Женева, больница.	(1825)	1	—	11
Брюссель, больн. Св. Петра.	(1825)	1	—	9
Амстердамъ, Госпит. Св. Петра. (1798-1817)		1	—	8
Генуа, Глав. Госпит.	(1820)	1	—	6
Туринъ, Госпит. Св. Іоанна		1	—	7
Миланъ, Глав. Госпит.		1	—	7
	Клиника Радзори	1	—	8

	умери.	болѣн.
Павія, Госп. Св. Матѣ. . . . . (1823)	10 $\frac{2}{5}$	на 100
Клиника врачев.	7	— 100
Клиника Хирург.	6 $\frac{2}{3}$	— 100
Болонь, Клин. Томмассви (1816-1819)	7 $\frac{3}{4}$	— 100
Палермо, Глав. Госпит. (1823).	12	— 100

Погрѣшности, которыя могутъ находиться въ сей таблицѣ, не могутъ измѣнить главныхъ результатовъ, которые и здѣсь опять доказываютъ явное превосходство Велико-Британскихъ госпиталей надъ всеми прочими. Въ Дублинѣ, который опустошается эпидемическими лихорадками безпрестанно и съ большою жестокоспью, нежели другой какой-либо городъ въ Европѣ — (исключая тѣхъ, на которыхъ тяготеетъ бремя войны) — смертность госпиталей гораздо ниже смертности подобныхъ заведеній въ Парижѣ.

Между тѣмъ утѣшительно признавъ счастливыя перемены, происшедшія уже въ различныхъ странахъ. Такъ, н. п. въ Парижѣ, въ Hôtel-Dieu, тѣмъ уже нынѣ, какъ назадъ пому лѣтъ сорокъ, умирающихъ и даже умершихъ на одной постели съ выздоравливающими. Вездѣ сдѣланы важныя улучшенія: но самыя важныя пока еще желаются. Благо человечества особенно пребудетъ, чтобы какъ можно скорѣе были оставлены большіе госпитали; въ конхъ смертность всегда гораздо значительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ, кои менѣе обширны. Но изъ всѣхъ подобныхъ заведеній, улучшенія произвели наиболѣе выодныя слѣдствія въ тѣхъ, кои особенно назначаются для родильницъ: и чему бы ни приписать сіи слѣдствія — лучшему ли припошу за сими больницами, или также и вліянію,

копное хорошая пища, теплое платье и вообще довольство необходимо должны имѣть на здоровье принимаемыхъ вообще и послѣдовательно на ихъ болѣзнично, выключая уменьшенія смертности дѣтей, не дѣлаешь столько чести новѣйшей образованности и ея безчисленнымъ благодѣяніямъ, какъ эта важная перемѣна, происшедшая, въ теченіе полулѣта, въ участи родильницъ, чію доказывается слѣдующей таблицей :

	умершую	родившихъ
British Lying in Hospital на 1 (1750)	42	(1780) 60 (1789-1798) 288
Лондонъ, Lying in Hospital 1		(1826) 70
Парижъ, Hôtel-Dieu	1	(1780) 15
La Maternité	1	(1822) 29
Дублинъ, Lying in Hospital 1		(1757-1825) 89
Эдинбургъ	1	(1826-1829) 100
Стокгольмъ	1	(1822) 29
Берлинъ, Женск. Госпиталь 1		(1796-1806) 32 (1807-1817) 45

Результатъ всѣхъ родовъ 1817 года, въ Прусскомъ Королевствѣ, обнаруженный съ подтвержденіемъ Правительства, представляеть, въ этомъ отношеніи, документъ самый обширный, какой только существовалъ досель: поелику обвиняеть собой всѣ классы общества, узды сельскіе и города. Въ немъ смертность родильницъ, въ 1811 году, проспиралась до 1 на 112. Но еще любопытнѣйшій фактъ въ семь родѣ, доказывающій вредное вліаніе городовъ и особенно больницъ на слѣдствія родовъ, представляется въ результатъ пятнадцатилѣтней практики въ одномъ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, обнаружен-

важномъ Г. Маншеллемъ въ Лондонской Медицинской Газетѣ, гдѣ исчислено 2,410 случаевъ, изъ коихъ только два кончились смертию.

Сквозь блестящую мишуру, кою писатели, приспособленные къ временамъ минувшимъ, усложняюща прикрываютъ исторію древнихъ народовъ, не дѣла не примѣщая глубокаго развраща, во всѣхъ отрасляхъ общества, обнаруживавшагося преимущественно жестокихъ презрѣнїемъ къ жизни дѣтей. Это составляетъ одну изъ спорныхъ, съ коихъ нравственностъ новѣйшихъ временъ беретъ очевидное преимущество надъ нравственностію временъ древнихъ. Каждый новый вѣкъ опмѣчается замѣчательнымъ улучшеніемъ въ физическомъ воспитаніи дѣтей и уменьшеніемъ ихъ смертности. У Персовъ, дѣтей зарывали живыхъ въ землю: въ большей части областей Греціи, дѣшоубійство не только было позволено, но даже покровительствуемо законами. Изъ всѣхъ народовъ древности, Римляне наиболее упорствовали въ привязанности къ симъ варварскимъ обычаямъ, коихъ Финикїяне и Картагеняне не были чужды и цодорыхъ слѣдствїя встрѣчаются даже у Визиготовъ. Христіанство постановило первую преграду симъ пресущленїямъ, кои донынѣ еще совершаются въ Китаѣ и у Индусовъ; извѣстныхъ впрочемъ своими миролюбивыми качествами. Бючананъ полагаетъ по меньшей мѣрѣ до 3,000, число дѣтей, умерщвляемыхъ ежегодно, въ однихъ провинціяхъ: Кюапъ и Гузерапъ. Весьма недавно Англичане, послѣ долговременныхъ усилій, добились до того, что въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи дѣшоубійство совершенно прекратилось.

Устройство госпиталей для новорожденныхъ младенцевъ было естественнымъ слѣдствіемъ высокаго чувства благотворительности, заслуживающаго всякое уваженіе, какое бы впрочемъ ни было мнѣніе о ихъ действительной пользѣ: смотрѣть ли на нихъ какъ на учрежденія, производящія положительное добро, или, вмѣстѣ съ Маллкосомъ, Бекомъ и другими, сомнѣваясь о пользѣ ихъ, въ кои младенцы принимаются безъ всякаго различія, поелику представляемыя ими удобства клонятся къ ослабленію чувства материнскихъ обязанностей и вознаграждаютъ нѣкоторымъ образомъ слабостъ, уступающую соблазну.

Лондонскій Сиротопріимный Домъ для новорожденныхъ прежде принималъ всѣхъ младенцевъ безъ различія: но теперь наводятся справки о матери, коюрая должна сама подавать просьбу о приѣмѣ ребенка. Эти условия нѣсколько впрочемъ не содѣйствуютъ къ умноженію дѣлоубійства, такъ что сіе пресупленіе считается весьма рѣдкимъ въ Лондонѣ. Въ 310 дѣтяхъ, кои содержатся въ самомъ заведеніи, и 130, кои оно содержитъ по деревнямъ и изъ которыхъ нѣкоторыя остаются на сію содержащіи до четырнадцати лѣтъ, смертность, въ продолженіе двадцати послѣднихъ лѣтъ, не простиралась свыше 1 на 4, со времени ихъ приѣма до означеннаго возраста.

Въ Дублинѣ, единственномъ городѣ изъ шрехъ Соединенныхъ Королевствъ, гдѣ младенцы принимаются все безъ различія, смертность больницы, въ коюрую принимаются больныя дѣти, была такъ ужасна, что обратила на себя вниманіе и розыски Правительства. Въ самомъ дѣлѣ, несчастливию повѣришь, чтобы изъ 10,272 больныхъ ребѣнковъ, при-

внѣхъ съ 1775 до 1796 года, только 45 осталось живѣ. Благоразумныя мѣры положили конецъ симъ ужаснымъ послѣдствіямъ. Въ 1805 году, смертность во всемъ заведеніи не проспиралась свыше 1 на $4\frac{1}{2}$. Вотъ результатъ, представляемый подобными заведеніями въ нѣкоторыхъ государствахъ твердой земли:

	умершихъ	дѣтей.
Парижъ.	(1771 - 1777) 25 на 31	(1827) 1 на 2
Вѣна	(1793) 8 или 9 на 10	(1810) 1 на 2 (1823) 1 на 3
Стокгольмъ (1822)		1 на $5\frac{1}{2}$
Петербургъ (1786 - 1806) 35 на 37		(1812) 1 на 2
Неаполь		1 на 5
Палермо		7 на 10

Въ Барселонѣ, въ 821, пятая часть младенцевъ, рожденныхъ въ этомъ году, была брошена. Госпиталь принялъ тогда 437 младенцевъ, потерялъ 463. Въ 1823, въ эпоху столь смутную для всей Испаніи, въ Барселонѣ родившихся было гораздо меньше, чѣмъ умершихъ: 229 младенцевъ было принято въ госпиталь, между тѣмъ какъ умерло въ немъ 339.

Но не только въ отношеніи къ младенцамъ, принимаемымъ въ госпитали, смертность, съ нѣкотораго времени, во всѣхъ почти странахъ, уменьшилась: это общепитательно повсюду. Такъ, въ Вашингтонѣ, городѣ мануфактурномъ, съ 1763 по 1772, считалось на 100 умершихъ 11,52 младенцевъ ниже 10 лѣтъ; между тѣмъ какъ, съ 1817 по 1825, число ихъ не простиралось выше 11,45 на 100. Не опровергая вліянія прочихъ различныхъ обстоятельствъ на сіи благотворные результаты, должно приписать ихъ преимущественно введенію коровьей оспы. Доказа-

пелъспва у всѣхъ предъ глазами: но слѣдующее извѣщеніе, обнародованное официально въ Швеціи, должно убѣдиль самыхъ упорныхъ :

въ 1779	.	.	.	.	.	15,000	} умершихъ отъ оспы
— 1784	.	.	.	.	.	12,000	
— 1800	.	.	.	.	.	12,000	
— 1801	.	.	.	.	.	6,000	
— 1822	.	.	.	.	.	11	
— 1823	.	.	.	.	.	37	

Обыкновенно думаютъ, что число сумасшедшихъ безпрестанно увеличивается : но это одно изъ пѣхъ мнѣній, кои столь же трудно опровергать, какъ и доказывать. Если въ послѣднія времена открываются или пребуются со всѣхъ сторонъ многія заведенія для призрѣнія ума лишенныхъ, то это должно приписать столько же разрушенію предрасудка, поддерживасмаго фанатизмомъ и корыстолюбіемъ, по которому сіи несчастные считались добычею дьявола, благопріятельности болѣе просвѣщенной, и въ особенности несмысленнымъ улучшеніямъ, введеннымъ во внутренній составъ сихъ заведеній, сколько дѣйствительному умноженію числа больныхъ. Да и если бы—что впрочемъ весьма вѣроятно—сіе умноженіе зависѣло отъ успѣховъ образованности : то какъ ничтоженъ эпошь, почти единственный, вредный результатъ общаго благоденствія, въ сравненіи съ массою благотѣльныхъ слѣдствій, производимыхъ постепеннымъ распространеніемъ просвѣщенія и довольства! Къ сожалѣнію, документы, находящіеся у насъ подъ руками, еще недостаточны для того, чтобы опредѣлить что-нибудь положительное касательно столь важнаго предмета, и даже для сравненія числа сумасшедшихъ въ различныхъ странахъ. ¶

Франція есть почти единственная земля, въ коей число сумасшедшихъ мужчинъ не превышаетъ числа сумасшедшихъ женщинъ: исключеніе, которое отчасти изъясняется изъ весьма дѣятельнаго участія, принимаемаго Француженками въ дѣлахъ интереса и даже въ коммерціи. Въ 2,507 лишенныхъ ума, принятыхъ въ Парижскія публичныя больницы, находилось 1,035 мужчинъ и 1,412 женщинъ. Въ Англии между 7,904 сумасшедшими были 4,461 мужчина и 3,443 женщины.

Замѣчено, что каждое общественное бѣдствіе имѣетъ значительное вліяніе на умноженіе числа жертвъ сумасшедствія. Въ 1816, низшіе классы во Франціи должны были много потерпѣть отъ чрезвычайной дороговизны жизненныхъ потребностей: и въ 1817 въ Саллиспьеррь поступило вдвое болѣе обыкновеннаго числа сумасшедшихъ. Подобный голодъ свирѣпствовалъ въ Ирландіи, въ 1815: и число ума лишенныхъ въ Керксномъ Домѣ Пріазрѣтій возрасло, говоряще, вдругъ отъ 74 до 210.

Трудно опредѣлить отношеніе выздоравливающихъ къ числу принимаемыхъ въ различныя заведенія, устроенныя для ихъ леченія. Вотъ однако результаты, представляемыя самыми достоверными документами:

	УМЕРШ.	ВЫЗДОР.	ПРИН.
Корол. Нидерландс.	1,254	1,577	на 4,000
Амстердамъ	604		1,248
Берлинъ (La Charité), ...	117	206	413
Вирцбургъ	78	292	528
Англія, Wakefield Asylum	24	(1719)	100
Lancaster	24½	(1817-1825)	100
York-Retreat	20	(1796-1819)	100
Парижъ (Bicêtre, la Salpêtrière).	22	(1822-23-24)	100

Только во Франціи существуютъ достовѣрныя стаписписческія подробности о смертности шюръмъ: и посему не возможно произвести сравненія въ этомъ отношеніи между различными справами, тѣмъ менше въ различныя времена. Въ шюръмахъ Франціи смертность ежегодно составляетъ 1 на 22; откуда Докпоръ Виллеръ заключилъ, что шюръмы сокращаютъ жизнь заключенныхъ двадцатью годами, считая здѣсь и тѣхъ, кои содержатся за долги. Одинъ галерный невольникъ составляетъ исключеніе, которое изъясняется изъ того, что ихъ лучше кормятъ и одѣваютъ, чѣмъ другихъ узниковъ а), равно какъ и изъ того, что они работаютъ на открытомъ воздухѣ и обыкновенно бываютъ мало чувствительны къ нравственнымъ впечатлѣніямъ. Самуилъ Куперъ полагаетъ до 1 на 30 или 55 смертности въ двухъ Лондонскихъ шюръмахъ, конкъ онъ былъ медикомъ (King's Bench и Fleet's Prison). Что касается до утвержденія Доктора Гаукиса, что будно, въ 1813, между военнопленными, находившимися въ Англіи, смертность простиралась не выше 1 на 55, то оно найдеть много невѣрующихъ во Франціи, гдѣ воспоминаніе повѣнновъ глубоко еще вѣзано въ памяти народа.

Изъ всѣхъ предосудительныхъ для Велико-Британіи предубѣжденій наиболее распространена, даже между самими Англичанами, увѣренность объ особенномъ расположеніи жищелей ея къ самоубійству. Доказательства,

---

а) Локке, во время путешествія своего по Франціи, между 1676 и 1678 годами, замѣтилъ, что галерные невольники гораздо лучше тамъ содержатся, кормятся и живутъ, чѣмъ деревенскіе жищели.

предоставленные Доктором Бурроу (Burrows) пропавшие этого обвинения и признаваемы многими чужеземцами за недоснапочныя, подтверждены официальнымъ рапортомъ Вестминстерскаго чиновника, назначеннаго именно для изчисленія самоубійствъ. Съ 1812 по 1824 годъ, только 290 самоубійствъ совершено было въ народонаселеніи, состоящемъ изъ 200,000 душъ, въ шой части столицы, копорую можно счесть средоточіемъ роскоши и распутства во всемъ государствѣ. Число сіе, хотябы оно было даже упрощено, все еще несравненно ниже пропорціональныхъ результатовъ, представляемыхъ большими городами Франціи и Германіи. Въ этомъ рапортѣ особенно замѣчательно ежегодное уменьшеніе почти шестью самоубійствами. Итого 290 состоятъ изъ 207 мужчинъ и 83 женщинъ, по большей части вѣтъ узъ брака, что равно замѣчается и во Франціи. Въ Лондонѣ и Вестминстерѣ можно положить число самоубійцъ ежегодно до 100. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ число сіе мало въ сравненіи съ шѣми, кои доставляютъ другія земли:

Гамбургъ. (1816) 2 (1820) 10 (1822).	59
Фрауенбургъ, на Майнѣ. . . . . (1823).	100
Копенгагенъ (на 100,000 жителей).	100
Нью-Йоркъ. . . . . (ежегодно)	13—29
Филадельфія.	2—13
Балтиморъ.	2—7
Парижъ. . . . . (1813—1823 ежегодно)	334
Швеція. . . . . (1823).	151
Россия. . . . . (1823—1827).	4,087
Неаполь. . . . . (1826).	13
Испанія. . . . . (1826).	16

Официальныя извѣстія сихъ послѣднихъ государствъ

не заслуживаютъ большой довѣренности: ибо не подлежатъ никакой повѣркѣ.

Въ Берлинѣ особенно замѣчательно возрастающее умноженіе числа самоубійствъ. Тамъ сочтено :

съ 1758 по 1775. . . .	1 самоуб.	на 1,800	умер.
— 1787 — 1797. . . .	1	900	—
— 1798 — 1810. . . .	1	600	—
— 1810 — 1822. . . .	1	100	—

Докторъ Касперъ, которому статистическія знанія такъ много обязаны, сообщаетъ опіосительно сего предмета весьма любопытное и необычайное извѣстіе: именно о существованіи клуба самоубійць въ Пруссіи. Клубъ сей былъ составленъ изъ шести лицъ, кои не только признавались въ намѣреніи лишиться себя жизни, но даже спарались дѣлать прозелитовъ. Безъ сомнѣнія не много находилось таковыхъ: по наконецъ всѣ шестеро доказали свою искренность; послѣдній изъ нихъ застрѣлился въ 1817 году. Говорятъ также, что недавно въ Парижѣ существовалъ подобный клубъ, состоявшій изъ двѣнадцати членовъ, изъ коихъ одинъ выбирался ежегодно для совершенія надъ собой самоубійства. Упомянутый авторъ приписываетъ пьянству умноженіе числа самоубійць въ Берлинѣ. Весьма вѣрдою причиною, располагающею къ самоубійству, бываетъ *подражаніе*, что подтверждается многими примѣрами и должно обратить на себя вниманіе законодателей. Въ Англійскомъ гарнизонѣ, на островѣ Мальтъ, самоубійства умножились вдругъ ужаснымъ образомъ. Коммандантъ, испощивъ напрасно всѣ обыкновенныя средства, рѣшился отказать въ Христіанскомъ погребеніи первому, лишившему себя жизни. Случай не замедлилъ предсѣлавиться: въ присутствіи всего гарнизона подъ ружьемъ, трупъ самоубійцы

пропачили обнаженный на дрогакъ и бросили въ ровъ съ изъявленіями глубочайшаго презрѣнія. Духъ подражанія, устращенный этой мѣрой, прекратился немедленно. Другую, не менѣе дѣятельную причину, которая впрочемъ связывается съ предыдущею, составляютъ рассказы о подобныхъ пресупленіяхъ, кои въ Англійскихъ Журналахъ собираются и украшаются всѣми подробностями. У людей праздныхъ, вниманіе, устремившись разъ на одинъ предметъ, привязывается къ нему и свыкается чрезъ то съ понятіями, кои, съ перваго взгляда, былибъ отвергнуты съ ужасомъ. Между пѣмъ Англійскіе Журналы, какъ будто недовольные несчастіями, кои представляютъ имъ собственное опечесство, собираютъ дань со всѣхъ сторонъ и краевъ, дабы имѣть удовольствіе рассказывать ужасныя исторіи и возбуждать отвращительный смѣхъ надъ позоромъ природы человѣческой!

(окончаніе слѣдуетъ)

VIII.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

—открытие лондонской королевской коллегии.—Королевская Коллегія наконецъ открыта 2 Октября. Во весь день лилъ дождь ливнемъ. Это обстоятельство, и еще то, что поутру тогоже самаго дня, билъ преобразование въ Верхнемъ Парламентѣ былъ отвергнутъ большинствомъ четырнадцати голосовъ, воспрепятствовали лучшей публикѣ собраться въ такой многочисленности, какой бы ожидалъ надлежало. Сообразно намѣренію, съ коимъ усстроена Коллегія, торжество открытія ея

было освящено религиозными обрядами. Довольное число зрителей собралось въ Университетскую капеллу, гдѣ совершено было обыкновенное богослуженіе Англиканской Церкви и сопѣвъ псаломъ пропѣвъ съ умиленнымъ благоговѣніемъ. Епископъ Лондонскій говорилъ попомъ весьма назидательную проповѣдь, въ коей излагалъ необходимость основывать доброе воспитаніе на религиозномъ образованіи. Эпошъ Епископъ—(Докторъ Блумфилдъ, переведшій Греческую Грамматику Машинъ на Английскій языкъ)—весьма образованный человекъ, снороватый поборникъ церкви, но безъ фанатизма, краснорѣчивый безъ огня, сильный безъ одушевленія: языкъ его обработанъ, но не высканъ, и также какъ чувствованія, приличенъ Христіанскому пастырю. За нимъ Привѣщатель Коллегии произнесъ рѣчь, которая опочастіи была слишкомъ изукрашена и обращалась около тойже мысли, какъ и проповѣдь. На другой день, Медицинскій Факультетъ открылъ свой курсъ, и мало по малу всѣ прочіе Профессоры, такъ что къ половинѣ Ноября весь Университетъ былъ въ полномъ ходу. Первая лекція Нѣмецкой Словесности дана 2 Ноября. Зданіе Университетскаго весьма красиво и обширно: положеніе его въ срединѣ города очень удобно. (Ж. В.)

— Некрологія Гегеля. — Знаменитый Германскій Философъ Гегель скончался въ Берлинѣ. Онъ родился въ Шпунгарпѣ 1770 года 27 Августа и получилъ первое образованіе въ тамошней Гимназіи: на 13 году поступилъ онъ въ Тюбингенскій Университетъ, гдѣ занимался почти лишь Философскими и Богословскими науками. Основаніемъ первыхъ считалъ онъ Божественныя Знанія, которыя по

сему вмѣстѣ съ Маппемаппикой изучаль съ глубокою ревностію. По смерти своего отца онъ возвратился въ Іену, гдѣ, будучи уже знакомъ съ твореніями Канта и Фихте, вошелъ особенно въ ипсную связь съ Шеллингомъ, которій тогда былъ Профессоромъ въ Іенѣ. Здѣсь-ипо началъ онъ образоваль собстпенную философическую систему, которую старался попомъ развиваль обширнѣе и глубже съ неослабнымъ усердіемъ. Также занимался онъ изложеніемъ собстпенно ему принадлежащихъ и отъ Шеллинга опклоняющихся взглядовъ въ особенномъ твореніи, коего вступительную часть должна была сославляль Феноменологія Человѣческаго Духа, послѣднія листы коей онъ кончилъ почью передъ Іенскимъ сраженіемъ. Эта несчастная катастрофа принудила его оставиль Іену и удалилься въ Бамбергъ, гдѣ онъ давалъ частныя уроки до осени 1808 года. Въ сіе время былъ онъ наименованъ Рекпоромъ Ниревбергской Гимназіи. Между тѣмъ эпо педагогическое званіе слишкомъ удалило его отъ умозрительнаго направленія: почему въ 1816 году онъ охотно принялъ приглашеніе быль Профессоромъ Философскаго Факультета въ Гейдельбергъ. Здѣсь онъ скоро приобрѣль блестящую славу, какъ наставникъ академическій; и посему въ 1818 году былъ отсюда вызванъ въ Берлинъ, гдѣ имѣль великое вліяніе на направленіе обучающагося юношества, особенно опносительно обязанности къ государству, старался, чрезъ могущественно истины вразумляль и разсвѣваль заблужденія, производимыя побужденіями въ самихъ себя важными. Даже не раздѣляя положительныхъ его взглядовъ на государство и политику, нельзя неоставиль ему въ великую заслугу благодѣ-

шельнаго прошиводѣйствія примѣрнымъ припязаніямъ волюномыслія. Это прошиводѣйствіе обнаруживалось съ особенною силою въ первые годы послушанія его въ Берлинскій Университетъ. Съ тѣхъ поръ памь онъ жилъ и дѣйствовалъ. Усилія его, равно какъ и послѣдствія ихъ, извѣстны всѣмъ образованнымъ. Между учениками наслаждался онъ высокимъ уваженіемъ и любовію, близкою къ восторгу. Покойникъ скончался на 62 году своей жизни. Слухи идутъ, что онъ палъ жертвою холеры: Государственная Газета извѣщаетъ, что онъ умеръ онъ паралича. (Ъг.)

XI.

НОВОСТИ НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

—ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ДОКТОРА ФОРСТЕРА.—Желая продолжити свои наблюденія надъ облаками въ значительной высотѣ, извѣстный Докторъ Форстеръ рѣшился наконецъ предприняти воздушное путешествіе. Это было 30 Апрѣля текущаго года. Въ пять часовъ и три четверти утра, при спокойной погодѣ и 63 градусахъ Фар., съѣвъ онъ въ шаръ, вмѣстѣ съ Гринномъ, въ Моульсгамъ близъ Чельмасфорда, и поднялся при восклицаніи многочисленныхъ зрителей. Шаръ имѣлъ 48 фузовъ въ вышину, 32 въ поперечникъ, и наполненъ былъ углеводороднымъ газомъ. Онъ поднялся весьма медленно почти на 4,000 фузовъ: тогда воздухоплаватели сбросили кое-что изъ балласту; и шаръ полетѣлъ быстро, описывая неправильную спиральную линію. На высотѣ 6,000 фузовъ, онъ остановился и пробылъ около четверти

Телеск. Ч. V.

29

часа совершенно неподвижнымъ. Форстеръ описывалъ чувствованія, имъ испытанныя, кои были восхищительны. Колыхался въ прекрасной воздушной колесницѣ, посреди необозримаго пространства, въ невозмутимомъ спокойствіи и мирѣ, окруженный облачными призраками и любясь расплывавшеюся подъ нимъ панорамною, коей вышуклая поверхность, изникая изъ нѣдръ моря, предспавлялась усяяною городами и деревнями, онъ наслаждался самодовольствіемъ и пишиною, которое рѣдко можно вкушать на землѣ. Воздухоплаватели снова сбросили балласту и шаръ поднялся еще: но тогда Форстеръ почувствовалъ непріятное и болезненное ощущеніе, и именно давленіе на барабанную плеву, описанное уже Гарнерипомъ, Шарлемъ и Роберипомъ. Посему онъ рѣшился отпереть клапаны; и шаръ быстро спустился въ нижній слой воздуха, который привнесъ его въ Брумфильдъ, гдѣ воздухоплаватели сошли на землю въ семь часовъ и сорокъ минутъ. Форстеръ замѣчаетъ, что шаръ, при пихомъ полетѣ, обращался въ помъ же исправленіи, какъ планеты и земля, справа на лѣво. Не смотря на высоту, имъ достигнутую, разнообразныя облака, называемыя *sig-cusculi*, находились еще слишкомъ далеко отъ него—дальше, чѣмъ онъ самъ былъ отъ земли. Опиносительно головокруженія, Форстеръ увѣряетъ, что оно было гораздо менше, чѣмъ то, которое онъ испытывалъ, восходя на высоты Швейцарскихъ Горъ—даже совсѣмъ почти не ощущительно. (Р. М.)

—ЖЕМЧУЖНАЯ ЛОВЛЯ ВО ВНУТРЕННОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.—
Исторія рассказываетъ, что Цезарь рѣшился на завоеваніе Британіи, особенно по слухамъ, что на бес-

регахъ ея, или лучше въ ея рѣкахъ, находится много жемчугу. Можетъ быть это и не совсѣмъ справедливо: но неоспоримо то, что нѣкопорыя Брипанскія рѣки, въ различныя времена, доставляли перлы, которыя, своей близкой и блескомъ, могли соперничать съ восточными. Сиръ Ричардъ Виннъ Гвейдичскій, Камергеръ Екатерины, супруги Карла II, представилъ Ея Величеству жемчужину, найденную въ Конвей, которая по сию пору считается достойною занимать мѣсто между драгоценностями, украшающими Королевскую корону. Въ последнемъ вѣкѣ, множество жемчугу добыто было въ рѣкахъ Графствъ Тейронъ и Дюнечаль, въ Ирландіи. Одна изъ жемчужинъ, всѣвшая 36 каратъ, оцѣнена была въ 40 ф. с. (1,000 р.); другія проданы по различнымъ цѣнамъ, отъ 4 до 10 ф. с. (отъ 100 до 250 р.); и изъ нихъ одна куплена и помѣщена въ ожерелье Леди Гленмилей, которая не взяла за нее 80 ф. с. (2,000) съ Герцогини Ормондъ. Въ окрестностяхъ Переа производилась довольно значительная жемчужная ловля, которая съ 1761 по 1799, принесла 10,000 ф. с. (250,000 р.). Но дѣло дѣлалось весьма небрежно; и потому ловля сія скоро истощалась.

Единственная жемчужная ловля, производимая теперь регулярно, существуетъ при устьѣ Конвей, рѣки, протекающей въ Княжествѣ Валлійскомъ и составляющей опчасни границу Графствъ Каэрнарвона и Денбига. Многія семейства поселились на берегахъ ея и занимаются исключительно этою ловлей, которая обезпечиваетъ ихъ содержаніе. Во время оплива, ловцы отправляюся въ лодкахъ къ устью рѣки, бросаютъ сыпи и нагружаются раковинами, до са-

лаго прилива. Возвращаясь въ свои жилища, они бросаютъ раковины въ большой кипящій котелъ, чтобы они раскрылись, и потомъ, вытаскивая изъ нихъ мясо, кидаютъ въ чанъ, гдѣ множесиво людей мажутъ его ногами до тѣхъ поръ, пока оно обратится въ родъ пивса. Тогда вливается на него вода, чтобы отдѣлнить живошныя вещества отъ болѣе тяжелыхъ частицъ, соспавленныхъ изъ песку, маленькихъ камешковъ и жемчужинокъ, кои оспаются на днѣ. После многихъ промываній, когда живошныя частицы совершенно пронадушъ, осадка высушивается на широкомъ деревянномъ блюдѣ, откуда перды вынимаются послѣ перышкомъ. Собрать ихъ до нѣсколька унцій, относить къ комиссіонеру, который платитъ за нихъ, въ эпоху необработаннымъ видѣ, отъ 2 до 4 шил. (отъ 2 р. 50 к. до 5 р.) за унцію.

Перлы сін, извѣстные въ Англіи подъ именемъ *жемчужныхъ зернышекъ*, обработанныя и подобранныя, идутъ въ торгъ и продажу, отъ 5 до 8 ф. с. (отъ 125 до 200 р.) за унцію. Ювелиры употребляютъ ихъ для различныхъ галацперейныхъ вещей, какъ-то: ожерельевъ, браслетовъ, часовыхъ привѣсокъ и п. д. Жемчужины лучшей воды и большей величины, чѣмъ первыя, продаются гораздо дороже. (В. Р.)

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ тѣмъ, чтобы, по оповѣщаніи, предспавлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 1 дня 1831 года.

Цензоръ С. Ансаковъ.